

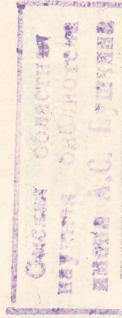
Szabó Imre
A JOGELMÉLET
ALAPJAI

BUDAPEST 1971

Имре Сабо
ОСНОВЫ
ТЕОРИИ
ПРАВА

ПЕРЕВОД С ВЕНГЕРСКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ
и с вступительной статьей
доктора юридических наук
В. А. ТУМАНОВА

с1253015

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРОГРЕСС»
Москва 1974

34
с-123

Перевод выполнен
А. И. ФИЦЕРЕ

ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ

Имя видного венгерского ученого-юриста, вице-президента Академии наук ВНР Имре Сабо хорошо известно советскому читателю. На русский язык переведен ряд работ И. Сабо, в том числе его капитальная монография «Социалистическое право» (М., «Прогресс», 1964), получившая высокую оценку и широкий резонанс в советской юридической литературе¹.

Предлагаемое вниманию читателя новое монографическое исследование И. Сабо «Основы теории права» представляет собой в известном смысле продолжение и развитие книги «Социалистическое право». Автор, по-видимому, учел и содержащееся во вступительной статье к той книге пожелание и расширил проблематику исследования, выйдя за традиционный (но, несомненно, весьма важный) круг проблем общей теории права, связанный по преимуществу с правом как совокупностью, или системой, норм. В новой книге весьма широко рассматривается проблема правосознания, динамика правоотношения, юридико-социологические аспекты применения и соблюдения права.

Однако не только расширение проблематики исследования характерно для настоящей работы. Она построена также и в несколько ином теоретическом плане, чем предыдущая. Ее основным объектом автор сделал не социалистическое право, а по преимуществу право вообще, с тем чтобы на основе этого более «глобального» в историческом и пространственном отноше-

Редакция литературы по философии и праву

© Перевод на русский язык с изменениями, «Прогресс», 1974

41001-194 17-74
С 006(01)-74

¹ См. также: И. Сабо, Ганс Кельзен и марксистская теория права, в сборнике «Против современной правовой идеологии империализма», М., ИЛ, 1962, стр. 297 и сл.; его же: «Сравнительное правоведение», «Маркс и современная теория права на Западе», в сборнике «Критика современной буржуазной теории права», М., «Прогресс», 1969, стр. 165—208, 267—287.

стремится показать, что исследование каждой из этих проблем приводит к выводу о том, что право представляет собой сложное единство правовых отношений, норм права и правосознания и отсутствие какой-либо из этих составных частей существенно обедняет понятие права.

Автор достаточно детально анализирует названные выше проблемы, стремясь проследить сложные социальные явления в их разных связях и опосредованиях, выявляя как то, что обуславливает единство правовых отношений и лежащих в их основе общественных отношений, права и государства, права и правосознания, так и относительную самостоятельность каждого из элементов этих парных категорий.

Представляется, что в ходе исследования автору удалось подчеркнуть и в развернутом плане проиллюстрировать такие основополагающие выводы марксистского учения, как социально-экономическая обусловленность права (экономический базис как первичное и право как вторичное по отношению к нему), классовый характер права и правосознания, государственный характер права (политическая власть как основное звено перевода социального в правовое) и как следствие всего этого — более высокий общественно-исторический уровень социалистического права в сравнении с правовыми системами предшествующих формаций. Особенно настойчиво автор развивает три положения, которые представляются весьма существенными для понимания его позиций.

1. Он критически оценивает тезис, согласно которому правоотношения возникают лишь под воздействием соответствующей нормы права. Эта точка зрения, по справедливому мнению И. Сабо, охватывает лишь тот путь, который ведет от нормы к правоотношению и не уделяет достаточного внимания пути, ведущему от правоотношений к их абстрактному выражению — норме. Дело тут не только в том, что исторически развитие права шло от отношений, постепенно приобретавших юридические черты, к норме и что принцип единства логического и исторического требует от науки учитывать это обстоятельство в ее общетеоретических выводах. И в обществе с развитой правовой системой общественное отношение приобретает юридический

них анализа права и его основных компонентов показать принципиально новые характеристики социалистического права как высшего исторического типа права. Самое же главное отличие этой монографии от предыдущей состоит, пожалуй, в том, что автор в ходе научных исследований пришел к выводу о необходимости более широкой, многоплановой трактовки права, чем которую он разделял ранее. И. Сабо во вступлении к книге пишет в этой связи: «Читатель, знакомый с более ранними работами автора, заметит, что изложенная в настоящей книге точка зрения на сущность права не совсем тождественна прежним подходам автора».

Нам представляется, что эта эволюция взглядов автора отражает — и именно поэтому она представляется особый интерес — общую и в этом смысле объективную тенденцию, наметившуюся в последние годы в социалистической теории государства и права. Речь идет о том, чтобы видеть в праве — особенно в социалистическом праве — более сложную социальную категорию или систему, чем только лишь совокупность норм, установленных или санкционированных государством. Как ни важна эта нормативная сторона права (без нее невозможно его правильное понятие и определение), она не исчерпывает всех его сторон и аспектов. Чем развитее право (что характерно для социалистического общества), тем отчетливее становится сложней характер этой социальной категории. В свою очередь глубокое теоретическое осмысление всех его сторон и аспектов выступает как важная предпосылка повышения действительности и эффективности права в осуществлении задач, стоящих перед социалистическим обществом.

Такого рода взгляды в последние годы не раз высказывались на страницах советской юридической литературы. Они являются и лейтмотивом книги И. Сабо, который поставил перед собой задачу разработать этот подход к праву в развернутом монографическом плане.

Взяв за основу три кардинальные проблемы теории государства и права, а именно: «общественные отношения — правовые отношения», «государство — право», «правосознание — право» (по мысли автора, они составляют «общую часть» общей теории права), И. Сабо

характер не вследствие лишь того, что имеется правовая норма, но и потому, что в самом содержании материального отношения есть необходимые «юридические» предпосылки и черты. Маркс писал, что отращиванием экономического отношения обмена товаров является юридическое отношение в форме договора «все равно, закреплен ли он законом или нет»¹. Это обстоятельство, разумеется, не исключает возможности возникновения правового отношения исключительно вследствие наличия правовой нормы (это достаточно частный случай), но вместе с тем оно требует, как правильно отмечает И. Сабо, исследования двойной связи в соотношении «правоотношение — норма» и учета этого в самом понятии права. В этой связи автор придает большое значение понятию «общее или генерализованное правоотношение».

2. Подчеркивая государственный характер права, автор последовательно проводит ту мысль, что связь государства и права не ограничивается сферой творчества, а прослеживается во всех других сферах жизни права, прежде всего в процессах его применения и соблюдения. Государство призвано не только создавать право — перевести социальное, в котором созрели для этого необходимые предпосылки, в правовое, — но и обеспечивать положение, при котором движение общественных отношений соответствовало бы праву. Эта мысль, разумеется, не является новой для марксистской теории государства и права, но она интересно детализирована автором. Ее разработка весьма важна в плане идеологической борьбы, ибо для современной буржуазной науки характерна тенденция к отрицанию государственных аспектов права.

3. С точки зрения автора, неверен такой взгляд на правосознание, при котором оно рассматривается как явление, хотя и активно взаимодействующее с правом, но находящееся лишь рядом с ним, существующее лишь как бы параллельно с правом. Не отрицая относительной самостоятельности правосознания по отношению к праву, И. Сабо вместе с тем утверждает, что правосознание является также и интегрированной составной частью права, процессов право творчества, при-

менения и соблюдения права. С этим выводом можно соглашаться или не соглашаться, но очевидно, что жизнь права прочно привязана к уровню правосознания и культуры в целом. Ряд выводов автора о правосознании имеет значение с точки зрения осуществления важной задачи социализма — воспитания людей в духе такого уважения к праву, закону, которое «должно стать личным убеждением каждого человека»¹.

Разумеется, концепция И. Сабо во многом спорна и дискуссионна. Автор отдает себе в этом отчет. Очевидно, с ним не согласятся те, кто стоит на позиции, названной автором «нормативной» (следует отметить, что ее не следует смешивать с так называемым нормативистским направлением буржуазной юриспруденции, с которым она не имеет ничего общего). Концепция автора уязвима и в плане ее имманентной критики. Некоторые конструкции автора носят усложненный, чрезмерно умозрительный и во многом искусственный характер. Не всегда удачен и четок используемый им понятийный фонд; в частности, читателю нужно иметь в виду, что некоторые понятия (например, «гражданское правоотношение») автор употребляет не в обычном, принятом в нашей литературе, а в ином, особом значении. Обедняет концепцию автора и то, что он усложняет от попытки дать определение права (пусть даже описательное), вытекающее из хода его рассуждений. Можно сказать, что, проделав путь «от простого к сложному», то есть весьма детально разобрав и в некотором смысле расщепив некоторые фундаментальные категории теории права (свое графическое выражение это нашло в трех схемах, замыкающих разделы книги), автор не продвинул обратного пути «от сложного к простому», в частности к определению (или определению) права.

Как видно из книги, И. Сабо (он сам говорит об этом во введении) уделил большое внимание советской правовой мысли двенадцатых годов. Им дана, в общем, правильная оценка взглядов таких авторов, как П. И. Стучка, М. А. Рейсер. Очевидно также и то, что концепция И. Сабо не есть возврат к взглядам этих авторов на

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 94.

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС», М., Политиздат, 1971, стр. 61.

сущность права, а нечто иное, что он сам определяет как попытку синтеза различных подходов к праву, — разумеется, в рамках марксистской теории, — имевших место в социалистической науке. Отдавая должное вниманию автора к нашей литературе двадцатых годов, нельзя вместе с тем не констатировать тот факт, что в отношении новейшей советской литературы он почему-то не идет далее изданий начала шестидесятых годов. В частности, он оставил без внимания, во-первых, работы советских авторов, где высказывались положения, близкие его собственным взглядам, и, во-вторых, критику этих положений со стороны других советских авторов, которая в свою очередь требовала от него контраргументации.

В заключение отметим, что даже тот, кто не разделит развиваемый в этой книге взгляд автора на сущность и содержание права или не согласится с отдельными сторонами авторской концепции, найдет тем не менее в книге много интересных и значимых мыслей и взглядов по ряду актуальных проблем общей теории права и таких ее составных частей, как правотворчество, применение и соблюдение права. Для работы характерны экскурсы автора в проблемы государственного, административного, уголовного, гражданского права, которые представляют интерес для представителей соответствующих отраслевых юридических наук. В то же время автор весьма плодотворно переводит в плоскость общей теории государства и права проблемы, которые ранее рассматривались преимущественно на уровне отраслевых юридических наук (таков, например, подход автора к понятию «правоотношение собственности»).

В вводной статье к предыдущей книге академика И. Сабо «Социалистическое право» мы писали, что она принадлежит к числу тех, мимо которых не может пройти ни один последующий исследователь поднятых в ней проблем. То же самое можно сказать и о новой работе автора, который продолжает большой и углубленный поиск в области сложных теоретических проблем марксистского правоведения.

Профессор В. Туманов

ВВЕДЕНИЕ

В настоящей работе рассматриваются основы марксистской теории права. Справедливо может возникнуть вопрос, почему это не уточнено уже в самом названии книги? Этому, естественно, есть своя причина. И дело не в том, что читатель с первых строк поймет марксистскую ориентацию работы.

Название «марксистская теория права» может быть истолковано таким образом, будто автор взял на себя задачу создать аутентичную, единственно верную марксистскую теорию права. С другой стороны, можно было бы предположить, будто он ставил своей целью изложить лишь один из вариантов марксистской теории права, что соответственно означало бы принципиальную возможность одновременного существования нескольких марксистских теорий права. Оба эти толкования неприемлемы.

Разумеется, в рамках марксистской теории права возможен (и практически так это и есть) ряд концепций, подходов, различий во мнениях. Однако все это ведет не к появлению нескольких марксистских теорий права, как полагают некоторые, а к дальнейшему творческому развитию единой марксистской теории права. Эту цель преследуем и мы в настоящей работе, исходя из принципиальной точки зрения, согласно которой необходимо всемерно развивать марксистскую теорию права, которая в действительности никогда не может стать «полностью» марксистской, то есть превратиться в законченную, застывшую теорию, которая уже не нуждается в дальнейшем развитии. Было бы ошибочно считать, будто на марксистскую теорию права не оказывает влияния развитие самого права, и в особенности социалистического права, или же развитие марксистского учения в целом.

Автор надеется, что его работа, посвященная некоторым фундаментальным вопросам марксистской теории права, будет хотя бы в некоторой степени способствовать ее дальнейшему общему развитию. Для уяснения целей, которые он ставил перед собой, необходимо сделать несколько замечаний по поводу того, какой представляется нам история этой науки. Несомненно, что она развивается на почве общей теории общества, разработанной К. Марксом и Ф. Энгельсом и развитой дальше В. И. Лениным. На основе этой общей теории развились, по нашему мнению, три принципиальных отношения единых основных направлений марксистской теории права. Впрочем, одно из них по значимости уступает двум другим. Следует отметить, что все эти направления сложились в советской теории права, ибо лишь в Советском Союзе до второй мировой войны имелись общественные условия, в которых могла развиваться самостоятельно марксистская теория права.

Рассмотрим прежде всего два основных направления. Одно из них можно было бы назвать социологическим, хотя в данном случае понятие «социология» употреблено отнюдь не в традиционном его значении. Наиболее характерным его представителем был П. И. Стучка. Сущность этого направления заключалась в том, что на первый план выдвигались социальные аспекты права. Ошибочным же было то, что исследования не шли дальше этого и не предпринимались попытки проникнуть во внутренний мир права.

Вторым основным направлением в теории права, которое и хронологически следовало за первым, хотя имело своих представителей и в период, когда господствовало первое направление, может быть названо нормативное. Оно не состояло ни в какой даже отдаленной связи с буржуазной нормативистской теорией и нормативным может называться потому, что выделено в праве прежде всего правила поведения и рассматривало его как систему норм, связанных с государством, определяемых в конечном счете господствующими производственными отношениями и оказывающих на них обратное воздействие. Этой точки зрения придерживался уже Н. Крыленко, однако его основным представителем был А. Я. Вышинский, у которого нормативный

подход резко противопоставлялся социологическому, в то время как в действительности между ними такого резкого противоречия не существовало (ведь и сам А. Я. Вышинский систему норм относил к общественным факторам). В настоящее время преобладающее мнение в марксистской теории права ближе к нормативному, чем к социологическому подходу.

Третье направление, менее значимое, но посвятившее себя одной из существенных правовых проблем, — это марксистское психологическое направление. Его представителем был М. Рейснер. Оно существовало одновременно с социологическим направлением в первые годы Советского государства. Не давая оценку этому направлению, можно тем не менее сказать, что оно обратило внимание на чрезвычайно важную проблему — правосознание. Но вместо того чтобы рассматривать право и правосознание в единстве, М. Рейснер отождествлял их, что, естественно, вызывало сильные возражения. Этот факт, очевидно, отодвинул на задний план вопрос о правосознании, хотя он заслуживал большого внимания.

Как полагает автор, наступило время синтезировать различные подходы, которым отдавалось до сих пор предпочтение представителями марксистской теории права. Настоящая работа является попыткой такого рода синтеза. Хотя в отдельных случаях и сам автор признает необходимость различных методов теоретического подхода к праву — философского, социологического, собственно юридического, — более глубокий анализ привел его к выводу о том, что ввиду общенационального характера права марксистская теория права не может быть не чем иным, как общественной теорией права. Ее можно назвать также социологией права, если под социологией понимать теорию общества, а не только конкретные исследования общественных явлений.

Три проблемы, которые рассматриваются в настоящей книге, — общественные отношения и правовые отношения, право и государство и, наконец, право и правосознание, — по мнению автора, являются не только основными вопросами права, но такими вопросами, ответ на которые в своей совокупности составляет достаточно полную теорию права. Именно этого мы и хотим достичь, хотя многих проблем теории права мы

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Общественные отношения — правовые отношения

касаемся лишь косвенно или не затрагиваем их вообще, ибо не считаем принципиальными для целей общетеоретического характера. Очевидно, что в этой связи, как и во многих других, возможны различные мнения, что создает почву для дискуссий. Отметим лишь, что, по нашему мнению, теория права, подобно кодексу, состоит из общей и особенной части, и если это сравнение правильно, то настоящая работа претендует на то, что она относится к общей части марксистской теории права.

В заключение следует сделать еще одно замечание. Читатель, знакомый с более ранними работами автора, заметит, что изложенная в настоящей книге точка зрения на сущность права не совсем тождественна прежним подходам автора, который ранее и сам склонялся к направлению, названному выше нормативным. Нам представляется, что это изменение или, точнее, эту эволюцию взглядов можно рассматривать лишь как такую непосредственность, которая свойственна каждому, кто желает последовательно продвигаться по пути научного познания. Автор стремится отнюдь не к тому, чтобы заменить одну позицию другой, уже существующей, а к тому, чтобы, выйдя за рамки обеих, точнее, за рамки трех названных выше направлений, сохранить и развить то, что он считает в них правильным. Удался ли этот синтез — судить должны другие. Мы предвидим возможность упрека в отходе от ранее высказанной точки зрения. В действительности наша попытка синтеза направлена не на то, чтобы отбросить прежние взгляды, а, напротив, на то, чтобы углубить их, рассматривая в комплексе более широкого круга проблем.

I. ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ

1. ПРОИЗВОДСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ОТНОШЕНИЯ СОБСТВЕННОСТИ

Чтобы успешно подойти к вопросу о сущности права, целесообразно абстрактно понимаемое право свести к движению правовых отношений. Однако круг правовых отношений исключительно широк. Поэтому мы выделим несколько видов типичных правоотношений, которые характерны в двух планах. С одной стороны, они являются стержнем всей суммы правоотношений, а с другой — моделью, по которой строятся другие правоотношения. Не в качестве примера, а как необходимую предпосылку уяснения сущности правоотношений и взаимосвязи между различными правоотношениями следует проанализировать достаточно детально три вида правоотношений: отношение собственности, гражданское отношение и процессуальное отношение. Необходимо прежде всего показать место этих правоотношений в системе общественных отношений, а затем их влияние на другие правоотношения, которые стоят на ранг ниже и в социальном и в логическом плане. Начнем с рассмотрения отношений собственности.

Отношения собственности специфичны прежде всего в силу того, что они являются одновременно формами иных, общественных отношений — производственных отношений — и по своему значению очень близки к этим последним.

«Производственные отношения» — это основополагающее понятие марксистской политической экономии, а еще шире — исторического материализма. Марксистская теория права — и в этом заключается одна из характерных черт каждой марксистской отраслевой науки — при выработке собственных основных понятий

по необходимости исходит из этого общесоциологического понятия, опирается на него.

Для исторического материализма производственные отношения — это возникающие между людьми общественные отношения, общественные «в том смысле, что имеется в виду сотрудничество многих индивидов»¹; «сотрудничество многих индивидов» при этом направлено на создание в процессе общественного производства материальных благ. Производственные отношения часто называют «экономическими отношениями». Однако это не точно и может привести к недоразумениям, к смешению различных явлений, входящих в круг экономии. Согласно марксистской точке зрения, производственные отношения — это общественные отношения людей, возникающие в процессе производства и распределения, а еще точнее, в процессе общественного производства и общественного распределения.

Сами производственные отношения состоят из нескольких элементов: отношений собственности на средства производства, классовых отношений данного общества, а также отношений по распределению благ. Но доминирующим элементом производственных отношений являются отношения собственности, то есть те отношения, в рамках которых определенные группы людей владеют средствами производства. Отношения собственности определяют характер производственных отношений в данном обществе, они вызвали на определенной ступени развития разделение общества на классы, поскольку в основе классовых отношений лежат отношения собственности на средства производства. Отношения собственности на средства производства вместе с обуславливаемыми ими классовыми отношениями определяют и отношения распределения благ. Совокупность производственных отношений составляет «экономическую структуру общества...». Имея в виду определяющий характер отношений собственности внутри «экономической структуры», Маркс писал, что

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 28; Маркс писал также: «Индивидуумы, производящие в обществе, — а следовательно, общественно-определенное производство индивидуумов, — таков, естественно, исходный пункт» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 709).

отношения собственности есть не что иное, как юридическое выражение производственных отношений¹.

2. МОЖНО ЛИ ПРОВОДИТЬ РАЗЛИЧИЕ МЕЖДУ СОБСТВЕННОСТЬЮ И ПРАВОМ СОБСТВЕННОСТИ?

Вопрос о том, в какой мере совпадают, а в какой различаются понятия «отношения собственности» и «собственность», «правоотношения собственности» и «право собственности», не решен однозначно в юридической литературе, хотя этим вопросом много занимались, и в первую очередь специалисты по гражданскому праву. (Впрочем, справедливости ради следует заметить, что каждый автор любит ссылаться на неразработанность интересующего его вопроса для обоснования своего обращения к данной теме.)

Что касается взаимосвязи понятий «отношения собственности» и «собственность», то вспомним, что Маркс и Энгельс говорили о связи «отношения» и «понятия» вообще. По их мнению, «все отношения могут быть выражены в языке только в виде понятий. Уверенность, что эти... понятия существуют в качестве тайственных сил, есть необходимый результат того, что реальные отношения, выражением которых они являются, получили самостоятельное существование»². Понятие «собственность» — и на это неоднократно указывали Маркс и Энгельс — есть не что иное, как отношение собственности, выраженное в понятии и предстающее перед нами как категория. Это как раз и дает возможность оторвать понятие от действительной общественной деятельности (от «отношения») и изобразить дело таким образом, будто бы понятие является отправным моментом, а общественное отношение — его последствием. В действительности же все обстоит как раз наоборот. И действительно общественность — это понятийная абстракция отношений собственности. Упомянутая это

¹ «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 7).

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 360.

понятие, мы ни на один момент не должны упустить из виду движение, которое отражается в «отношении собственности», но в «собственности» кажется уже исчезнувшим.

Какова же взаимосвязь между собственностью и правом собственности? Уже из вышесказанного вытекает, что понятие «право собственности», подобно понятию «собственности», — это абстракция. К вопросу о связи этой абстракции с правоотношением собственности мы еще вернемся. Если право собственности рассматривать не в качестве так называемого субъективного права (или, во всяком случае, не выдвигать этот аспект проблемы на передний план), то можно сказать, что право собственности есть не что иное, как юридический аналог собственности в экономическом смысле. Основной институт материального производства предстает перед нами в виде правового института. Но дело, однако, обстоит не столь просто.

Социалистическая литература по гражданскому праву гораздо решительнее проводит различие между собственностью и правом собственности, чем это было сделано нами выше в несколько упрощенной форме. Это более резкое разграничение имеет две причины. Во-первых, стремятся отличить фактическую власть, так называемое «владение», существовавшее в доклассовом обществе, и основанную на праве власть, юридически регламентированную в классовом обществе. Единство этих двух форм хотят выразить общими, применимым к любой общественной формации понятием «собственность»¹. Такой подход есть не что иное, как ретроспек-

¹ Советский ученый Д. М. Генкин считает, что именно «собственность, как присвоение предметов природы, как отношение производства, существовала до классового общества и будет существовать и после уничтожения деления общества на классы». («Советское гражданское право», под ред. Д. М. Генкина, т. 1, М., 1950, стр. 264.) В венгерской литературе по гражданскому праву была высказана следующая точка зрения: «Собственность как материальное отношение существует в каждом человеческом обществе независимо от того, разделилось ли общество на классы или нет. Поэтому общая, взятая в неюридическом смысле, собственность как основа производственных отношений может выражаться в одинаковой мере как отношения бесклассового, так и отношения классового общества» (Világhy Miklós — Eörsi Gyula, Magyar polgári jog, I kötet, Budapest, 1962, p. 224—225). «Собственность... вечная категория...» — пишет тот же автор. (Ibid., p. 255.)

тивное применение понятия, сложившегося в обществе, уже знающем право, к той общественной формации, которой право было неизвестно. «Собственность... как отношение» производства, «собственность в общем плане, а не в юридическом смысле» есть не что иное, как само производственное отношение, которое еще не обрело юридические формы; отношения же собственности — по Марксу — являются лишь юридическим выражением производственных отношений, то есть всегда связаны с правом.

То фактическое отношение, которое в обществе, еще не знающем права, существовало как «владение» (понятие «владение», по существу, также является юридическим понятием для обозначения «не-собственности» или неполной собственности), по нашему мнению, нельзя назвать собственностью, отбросив для этого из понятия «право собственности» слово «право». Собственность означает не только фактическую власть (владение), но всегда предполагает и право на ту или иную вещь. Разумеется, вследствие этого отношение собственности не становится отношением между человеком и вещью, ибо это отношение по своей сущности всегда представляет собой общественное отношение между людьми, но отношение по поводу и в связи с вещью¹.

Таким образом, разграничение права собственности и собственности неправомерно. Нельзя, игнорируя общественно-историческое различие, объединять единым термином «собственность» фактические и юридические отношения. Между собственностью и правом собственности различий не существует уже потому, что собственность — это всегда понятие, имеющее отчетливую правовую окраску. Но необходимо рассмотреть еще один аспект проблемы.

¹ «...было бы правильно сказать, что существуют семьи, роды, которые еще только *владют*, но не имеют *собственности*» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 728). Употребляя здесь понятие «владение», К. Маркс, очевидно, хочет указать на фактическое состояние, имеющее место в обществах, не знающих права, а следовательно, и собственности. Авторы, работы которых цитировались выше, также старались показать, что «собственность» классового общества не идентична собственности классового общества.

3. ОТНОШЕНИЕ СОБСТВЕННОСТИ И ПРАВООТНОШЕНИЕ СОБСТВЕННОСТИ

В юридической литературе мы встречаемся с концепцией, согласно которой отношение собственности имеет двойственный характер: с одной стороны, это материальное отношение, а с другой — правоотношение. В первом случае собственность не что иное, как производственное отношение в его «обнаженном виде», тогда как правоотношение собственности является лишь его правовой регламентацией или оформлением. Далее эта концепция выльдет следующим образом. Отношение собственности входит в экономическую структуру общества, его «реальный базис», над которым возвышается правовая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Собственность как правоотношение составляет часть правовой надстройки, следовательно, собственность как материальное отношение неотделима от собственности как правоотношению. «Собственность» и «право собственности» не одно и то же¹.

В действительности мы находимся здесь перед лицом двух соотношений, которые тесно переплетены между собой, но в принципе различны. Первое из них — это соотношение содержания и формы: собственность как «материальное отношение» означает содержание данного общественного отношения, а собственность как правоотношение — форму этого явления. В то же время ядро материальных общественных отношений — производственные отношения — образует материальную основу, базис общества, тогда как совокупность правовых отношений составляет часть возвышающейся на этом базисе надстройки. Базис и надстройка — это особый вид соотношения содержания и формы, в которой базис — материальные общественные отношения — обуславливает в конечном счете надстройку — идеологические общественные отношения, — и в их рамках — политические и правовые институты²,

¹ См.: Világhy Miklós, Eörsi Gyula, Magyar polgári jog, I kötet, p. 219.

² См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 35, 139.

в том числе и право собственности как обобщенное выражение правоотношений собственности.

О взаимозависимости и единстве содержания и формы мы говорим для того, чтобы выразить определенное соотношение двух явлений. Это относится и к таким явлениям, каждое из которых носит надстроечный характер; так, например, речь может идти о некоторых политических отношениях как о содержании и об их юридическом выражении — как о форме. Но в данном случае, в случае правоотношений собственности, дуализм содержания и формы означает одновременно и дуализм базиса и надстройки. Это второе соотношение мы и имеем в виду.

Гегель говорил, что и содержание и форма в одинаковой степени важны, что нельзя считать содержание существным и самостоятельным, а форму — несущественной и лишней самостоятельности; в этом диалектическом единстве не существует содержания без формы. Это относится и к соотношению материальных отношений и правоотношений собственности. По существу, разграничение права собственности по его материальному содержанию и юридической форме означает, что в целях познания мы выделяем два момента в едином общественном отношении собственности. На практике материальное и формальное общественное отношение едино. В обществе, знаящем право и создавшем институт права собственности, всякое материальное отношение по поводу средств производства в силу необходимости принимает форму правоотношения. Такое правоотношение может быть и негативным: нарушение права собственности также является правонарушением, связанным с собственностью, институт права собственности как бы «институциализирует», включает в себя «отсутствие собственности», относительную собственность и целый ряд промежуточных ступеней¹.

¹ В связи с частной собственностью Маркс говорил, что она предполагает в качестве условия и противоположную форму, «отсутствие собственности» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 713). Здесь Маркс имеет в виду, очевидно, то, что частная собственность предполагает и класс лишенных частной собственности; негативное отношение этого класса к средствам производства есть не что иное, как общее общественное отношение, выраженное «отсутствием собственности».

На основании изложенного выше можно сказать, что в обществе, имеющем право (о собственности, как таковой, речь может идти только здесь), в правовых отношениях складывается и выражается единство материальных общественных отношений и нематериальных, идеологических общественных отношений, иначе говоря, единство базисных и надстроечных отношений, которое является особым видом единства содержания и формы.

4. МАТЕРИАЛЬНЫЕ И ИДЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Рассмотрим подробнее, что понимает марксистская теория под материальными и нематериальными, или идеологическими, общественными отношениями, в чем их различие? С помощью этих понятий марксизм выражает взаимосвязь и различие общественных отношений или явлений, показывает их иерархию, подчеркивает, что является в этой взаимосвязи в конечном счете определяющим, а что — определяемым.

Материальными общественными отношениями В. И. Ленин называет такие общественные отношения, «...которые складываются, не проходя через сознание людей: обмениваясь продуктами, даже и не сознавая, что тут имеется общественное производственное отношение...»¹. Когда В. И. Ленин говорит здесь об отношениях, которые не проходят через сознание людей, он разъясняет, что речь идет об общественном, а не индивидуальном сознании. Люди, вступая в производственные отношения, действуют, конечно, сознательно и в соответствии с собственной волей, но в то же время у них отсутствует понимание общественной роли и результатов данных индивидуальных отношений. Люди не осознают или отказываются понимать, что они сами и их действия являются лишь элементами, факторами общественного

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.

процесса¹. Итак, это материальное общественное отношение и является общественным содержанием правового отношения собственности. В чем же заключается идеологическая общественная форма этого отношения?

Под идеологическими общественными отношениями В. И. Ленин понимает такие, которые, прежде чем сложиться, проходят через сознание людей². Иначе говоря, люди осознают общественный характер этих отношений, хотя это осознание может быть весьма различно в зависимости от жизненных условий индивида. Такими идеологическими общественными отношениями в своей совокупности и по своей форме являются и правоотношения. При этом они могут находиться на различных уровнях, в чем мы убедимся при сопоставлении правоотношения собственности, гражданского правоотношения и процессуального правоотношения. Сейчас, однако, подчеркнем ту общую особенность идеологических общественных отношений, которая заключается в том, что, отражая материальные общественные отношения, они как бы деформируются, причем двойным образом.

Прежде всего материальные общественные отношения отражаются, как правило, в такой форме, которая скрывает их сущность. Идеологические общественные отношения отражают материальные общественные от-

¹ Энгельс считает формальной стороной дела тот факт, что «у отдельного человека, для того чтобы он стал действовать, все побудительные силы, вызывающие его действия, неизбежно должны пройти через его голову, должны превратиться в побуждения его воли». (Это — если так можно сказать — непосредственная движущая причина человеческого действия, второстепенная с точки зрения общественного сознания.) «Но, спрашивается, — продолжает Энгельс, — каково же содержание этой только формальной воли, — все равно, отдельного лица или целого государства, — откуда это содержание берется и почему желают именно этого, а не чего-либо другого?» Он приходит к выводу, что эта воля «определяется... в последнем счете — развитием производительных сил и отношений обмена» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 310). Они и являются, таким образом, обуславливающими в конечном счете общественное сознание.

² См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 1, стр. 137.

ношения, но без достаточной степени точности. Об этом не раз писал Маркс¹.

Другой аспект деформации состоит в том, что идеологические общественные отношения в своей совокупности как система становятся в некоторой мере самостоятельными и все более отходят от своей экономической основы, от определяющих их в конечном счете материальных и общественных отношений².

Таким образом, можно сказать, что материальные общественные отношения выражаются в правовых отношениях собственности в несколько видоизмененной форме, которая является идеологической формой мате-

риальных общественных отношений и в то же время выступает сама как общественные отношения.

5. ПРАВООТНОШЕНИЕ СОБСТВЕННОСТИ КАК ФОРМА ИНЫХ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Мы уже знаем, что правовые отношения собственности являются идеологическими общественными отношениями и, как таковые, — формами общественных производственных отношений. Мы также знаем, что производственные отношения и правоотношения собственности относятся друг к другу как содержание и форма. В классовом обществе правоотношения собственности есть необходимые формы проявления производственных отношений (отношения к средствам производства). Производственные отношения здесь всегда выступают в виде отношений собственности, притом или положительным образом, или же как отрицание права собственности. Здесь связь формы и содержания соответствует той связи, которую марксизм называет соотношением базиса и надстройки. Мы видели также, что идеологические общественные отношения своеобразным образом отражают материальные общественные отношения, а именно, в нашем случае, отношения права собственности заключают в себе производственные отношения «не в их настоящем виде», а «в их юридическом выражении». Правовые отношения собственности одновременно являются частью всей системы правоотношений как общественных идеологических отношений. Таким образом, отношения собственности являются частью возвышающейся на экономической основе правовой надстройки, правовой системы, состоящей из различных видов правоотношений.

Вследствие этого правовые отношения собственности детерминированы двойным образом: с одной стороны, они определяются производственными отношениями, с другой стороны, являясь частью правовой системы, определяются правовой системой в целом, которая в свою очередь также обусловливается в конечном счете совокупностью производственных отношений. Разумеется, обусловленность права собственности пра-

¹ К. Маркс говорит о превращении стоимости и цены рабочей силы в форму заработной платы, т. е. в стоимость и цену самого труда. «На этой форме проявления, скрывающей истинное отношение и создающей видимость отношения прямо противоположного, покоятся все правовые представления как рабочего, так и капиталиста, все мистифициции капиталистического способа производства, все порождаемые им иллюзии свободы, все апологетические увертки вульгарной политической экономии» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 550). «Впрочем, — пишет далее Маркс, — о таких формах проявления, как «стоимость и цена труда» или «заработная плата», в отличие от того существующего отношения, которое проявляется, — в отличие от стоимости и цены рабочей силы, — можно сказать то же самое, что о всяких вообще формах проявления и о их скрытой за ними основе» (там же, стр. 552). «Что вещи в своем проявлении часто представляются в извращенном виде, признано как будто во всех науках, за исключением политической экономии», — иронически подчеркивает Маркс (там же, стр. 547). Положение Маркса о том, что «если бы форма проявления и сущность вещей непосредственно совпали, то всякая наука была бы излишня...» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 25, ч. II, стр. 384), относится соответственно и к проявлению общественных отношений в форме идеологических общественных отношений, хотя здесь Маркс пользуется не парными понятиями «содержание и форма», а категориями «сущность и формы проявления».

² Энгельс писал: «В ходе дальнейшего общественного развития закон разрастается в более или менее обширное законодательство. Чем сложнее становится это законодательство, тем более отличается способ его выражения от того способа, в котором выражаются обычные экономические условия жизни общества. Законодательство представляется как бы самостоятельным элементом, который находит оправдание своему существованию и обоснование своему дальнейшему развитию не в экономических отношениях, а в общественных внутренних основах, хотя бы, скажем, в „понятии воли“» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 272—273).

новой системой является второстепенной по сравнению с решающе определяющим характером экономической основы.

Подводя итоги, можно сказать, что правоотношения собственности как идеологические общественные отношения зависят от материальных общественных отношений, производственных отношений, выражающих их в юридической форме, но одновременно являются частью права в целом, то есть и частью всеохватывающего идеологического общественного отношения, и в этой связи они отражают производственные отношения через призму правоотношений правовой системы, общего понятия права.

6. ОБЩИЕ И ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Что представляет собой эта опосредствующая система, то есть правовая система или право? В социальной и юридической науке общепринято считать, что право — это система юридических норм, то есть норм, определенных образом установленных и обеспеченных принуждением. Согласно этой точке зрения, правоотношения — формы таких иных (не правовых) общественных отношений, которые возникают под влиянием регулирующего воздействия правовых норм и соответствуют им; «правоотношения не могут возникнуть до тех пор, пока не сложатся соответствующие правовые нормы»¹. При этом, правда, возникает вопрос: чему должны соответствовать эти «соответствующие правовые нормы»? Разве они сами не обусловлены общественными отношениями, принявшими вид правоотношений и выступающими в качестве таковых?

Очевидно, тезис о том, что норма — абстрактное, а правоотношение — конкретное, норма — общее, а правоотношение — единичное, рассматривает социальную ситуацию лишь в одном ее аспекте, а именно юридическом. Этот подход охватывает лишь тот путь, который ведет от права, от юридической нормы к единичному правоотношению, он не уделяет достаточного

¹ P e s c h k a Vilmos, A. jogviszonyelmélet alapvető kérdései, Budapest, 1960, p. 104.

внимания пути, ведущему от правоотношений к их абстрактному выражению — норме. Точка зрения, согласно которой «правоотношение — это юридическое выражение определенных общественных отношений вследствие действия правовой нормы»¹, учитывает лишь одну сторону проблемы и не показывает нам всей сложной социальной взаимосвязи.

Согласно марксистской теории, выражение в законе общественных производственных отношений происходит тогда, когда этого требуют интересы господствующей части общества. При этом речь идет о том, чтобы «утвердить как закон» уже существующие отношения, которые преобладали уже на протяжении определенного времени. В этой связи Ф. Энгельс писал, что на весьма ранней ступени развития общества «возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов... Это правило, вначале выражающееся в обычаях, становится затем *законом*»².

С. Ф. Кечекьян считает, что в данном случае речь идет о генетическом примате повторяющихся фактических отношений по сравнению с возникающим в конечном счете законом. «Но в развитии классового общества, — пишет он, — конкретные правоотношения и общая норма существуют одновременно в неразрывной связи, образуя единое целое»³. Даже признав это положение правильным, нельзя не видеть его неполноту. Применительно к историческому возникновению права автор признает действительный примат фактических отношений над законом как их обобщенным выражением. Однако применительно к последующему развитию проблема возникновения норм как абстрактного выражения существующих отношений снимается и речь идет лишь о единстве нормы — общего и единичных правоотношений. Однако в высказываниях основоположников марксизма речь идет не только о генетическом, но и логическом соотношении.

В случае правоотношений собственности особенно очевидно, что общественные отношения предшествуют

¹ Ibid., p. 131.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 272.

³ С. Ф. Кечекьян, Правоотношения в социалистическом обществе, М., 1958, стр. 23—24.

праву, то есть выражению их в качестве закона. По известным словам Маркса, «в общественном производстве своей жизни люди вступают в определенные, необходимые, от их воли не зависящие отношения, — производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил»¹. Производственные отношения (их юридическим выражением и являются отношения собственности) — это обобщенное выражение многих единичных отношений. Право, точнее, частное право и его часть, право собственности, закрепляет те «общие условия», при которых отдельные люди как участники единичных отношений вступают в не зависящие от их воли производственные отношения.

Чтобы лучше представить себе этот процесс, расценим его, несколько схематизировав для этого сложную действительность. Сделав такую оговорку, можно утверждать, что в первую очередь и непосредственно возникает потребность в том или ином единичном (индивидуальном) производственном отношении, которое выступает в форме индивидуального правоотношения, являющегося одновременно юридической формой даного типа единичных производственных отношений, их обобщенным юридическим выражением. Индивидуальные производственные отношения в своей совокупности и определяют право как общее и сами складываются в соответствии с этим общим.

Что касается правоотношения собственности, то оно выступает как обусловленное правом лишь в той мере, в какой взаимосвязь этих двух явлений включена в более широкий ряд причинности, соотношений причин и следствий. В таком аспекте нетрудно увидеть, что индивидуальные производственные отношения предшествуют праву (праву собственности) и ведут к нему как «обобщенной социальной форме, в то время как «обобщенный путь» вел бы от абстрактно-обобщенных производственных отношений и их общего юридического выражения — права собственности к индивидуальным правоотношениям собственности. Впрочем, этот схематичный анализ не показывает, или делает это лишь в незначительной степени, соотношения общего и от-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 13, стр. 6.

дельного, их взаимообусловленность и взаимопереходы, то есть диалектическую взаимосвязь между индивидуальными и общими производственными отношениями, между индивидуальными правоотношениями собственности, с одной стороны, и правом собственности (или правом вообще) — с другой.

7. ОБЩИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ И ПОНЯТИЕ ПРАВА

В заключение необходимо сделать два замечания: одно общего характера, а другое в связи с одной из следующих частей книги, посвященной правосознанию. Начнем со второго. Марксизм говорит о производственных отношениях как об отношениях людей, возникающих независимо от их воли: непосредственной воля людей не направлена на создание того производственного отношения, которое возникает в действительности.

В «Капитале» Маркс пишет, что в интересах сопоставления вещей в качестве товаров «товаровладельцы должны относиться друг к другу как лица, воля которых распоряжается этими вещами... они должны признавать друг в друге частных собственников. Это юридическое отношение, формой которого является договор, — все равно, закреплен ли он законом или нет — есть волевое отношение, в котором отражается экономическое отношение»¹.

Таким образом, правоотношение собственности является, очевидно, и волевым отношением, в которое люди вступают по своей воле, по собственному решению; но эта индивидуальная воля не означает одновременно познания общественного характера общественного отношения, то есть означает не такую волю, на которую воздействовал бы действительный характер этого отношения. Это положение имеет значение при проведении различия между общественным сознанием и индивидуальным сознанием, то есть при разграничении различных видов правосознания.

Что касается первого замечания, то следует указать на один из принципиальных выводов, вытекающих из

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 23, стр. 94.

сказанного выше об общественных, в том числе правовых, отношениях. По нашему мнению, марксистская теория права есть в конечном счете теория правовых отношений. Но при этом речь идет не только об индивидуальных правоотношениях, как это следует из господствующей концепции. Речь идет и не о том, чтобы включить в понятие права индивидуальные правоотношения. В связи с понятием права мы ставим правоотношения в их абстрактной форме. Собственно говоря, понятие права есть не что иное, как статическое выражение общих абстрактных динамических правоотношений. Этот наш подход отнюдь не однозначен поставке вопроса, характерной для дискуссии, которая велась в правовой науке по поводу того, включать ли индивидуальные правоотношения в понятие права или нет. Мы пытаемся снять такую постановку вопроса тем, что рассматриваем право как сведение в едином понятии общих абстрактных правоотношений.

II. ПРАВООТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ГОСУДАРСТВОМ И ГРАЖДАНИНОМ

1. ВЫДЕЛЕНИЕ «ПОЛИТИЧЕСКОГО» ГОСУДАРСТВА

Мы называем гражданскими правоотношениями отношения, возникающие между государством и его гражданами (или постоянно проживающими на его территории лицами). Это отношения политического характера, которые определяются в конечном счете производственными отношениями, составляющими экономический базис данного государства, и основывающимися на них классовыми отношениями. Гражданские правоотношения в своей совокупности оказывают обратное воздействие на свою социально-экономическую основу. Пытаемся прежде всего дать общее определение понятия «гражданские правоотношения».

Действительно, гражданским правоотношениям можно придать двойкий смысл. С одной стороны, они выражают самое общее политическое отношение между государством как политической властью и индивидами и определяют их место и роль в государстве, а также их отношение к государству. Взятые в этом ракурсе, гражданские правоотношения входят в предмет теории государства, а вместе с тем и теории права, а по существу своему должны рассматриваться как относительные, поскольку они определяются через политические и иные отношения. В более узком смысле, соответствующем конституционному праву, гражданские правоотношения означают ту взаимосвязь, в которой гражданин данного государства находится со своим государством, выступая субъектом установленных конституцией прав и обязанностей. В нашем дальнейшем анализе мы будем исходить из более широкого понимания гражданских правоотношений, хотя нельзя упускать полностью из виду и их конституционно-правовой смысл.

2. ДВОЙСТВЕННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВОотношения»

Со сказанным выше связано было и деление основных прав на права человека и права гражданина. Это деление и сегодня сохраняет актуальность в буржуазной идеологии. Как это замечательным образом было изложено молодым Марксом в его работе «К еврейскому вопросу», права человека означали в действительности права эгоистического человека, отделенного от человеческой сущности и общности, а их сердцевину составляло право частной собственности. Что касается прав гражданина, то это — права человека как члена политического общества, то есть политические права вообще¹. Разделение на права человека и права гражданина выражало ту двойственность, которая присуща бытию человека в капиталистическом обществе. Права человека связаны с земным бытием — гражданским обществом, материальными жизненными отношениями, в то время как гражданские права связаны с жизнью людей в более высоком политическом обществе. В первом человек выступает как частное лицо, во втором — как общественное существо; различие между ними — это различие между «живым индивидом» и «гражданином государства». Эти два качества противостоят друг другу, ибо на уровне человека как гражданина равным представляется то, что на уровне живого индивида — неравным; существует противоречие между «*bourgeois*» и «*citoyen*», между «членом гражданского общества и его политической львиной шкурой»².

Понятие «*citoyen*» у Маркса (и не только у него, но уже и до него) шире обычного конституционно-правового значения этого понятия (гражданин конкретного государства), оно означает также особое качество личностей выступать «участниками суверенной власти»³. В своем более узком юридическом и даже юридико-техническом значении понятие гражданства сложилось

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 399—400. Подробнее об этом см.: Szabo Imre, *Az állampolgár jogok elméleti és zöfenei alapkendesei: Az állampolgárok alárjogai es köhességel*, Budapest, 1965, p. 28.

² См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 391.
³ Жан-Жак Руссо, Об общественном договоре, М., 1933, стр. 14.

Маркс в своих ранних произведениях часто пользовался понятиями «политическое государство» и «современное государство». Оба они имели для него одно и то же значение и служили для ограничения буржуазного государства от «не политического», «не современного» государства, когда выделение государства из экономической структуры общества, своеобразная организация его в качестве относительно самостоятельной власти не были настолько очевидными, как в капиталистическом обществе. Иначе говоря, понятия «политическое», «современное» государство означали, что феодальное государство пережило себя. В своих ранних работах Маркс неоднократно указывал на то, что в средние века, то есть в период феодализма, гражданское и политическое общество были тождественны¹. «Старое гражданское общество непосредственно имело *политический* характер, т. е. элементы гражданской жизни, — например, собственность, семья, способ трудовой жизни в форме сеньориальной власти, сословий и корпораций»².

Эта интеграция (термин Гегеля) «гражданского общества», то есть материально-экономических отношений общества, в его политико-властную организацию, это полное совпадение политической власти с экономической не характерно для капиталистического общества, где экономическое и политическое принуждение уже не совпадают и где очевидным становится дуализм гражданского общества и политического государства.

Поскольку политическое общество приобретает отнюдь не самостоятельную организацию и политическая власть теперь уже не совпадает открыто с экономической, появляется возможность различной регламентации политических отношений и гражданских правоотношений, в том числе в их конституционном выражении. Это разделение «экономического» и «политического» привело одновременно к очевидному раздвоению индивида, у которого политические свойства гражданина как бы отделяются от его экономического бытия.

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 301 и сл.
² Там же, стр. 403.

лишь с возникновением национальных государств, в частности под влиянием позитивизма в науке конституционного права, особенно немецкой. До этого граница между наделением лица особым статусом «гражданина» и его территориальным domicilio была мало ощутима; дольствовались такими критериями, как «достаточно длительное проживание в стране» в отличие от временного, «случайного» пребывания и «растворение» среди остальной части населения¹. Характерно, что относительно недавно Кельзен снова выдвинул тезис о том, что «государственный народ» — более важное понятие, чем «гражданин», так как в принципе для государства важно иметь в своем распоряжении подданных вообще, а не обязательно граждан. Поэтому иностранцев Кельзен также относит к государственному народу, поскольку они подчиняются государственному правопорядку. По Кельзену, внутри «государственного народа» граждане образуют особую уполномоченную, или обязанную, группу людей².

В новейшей венгерской науке социалистического конституционного права можно встретиться с проведенным различием между населением в государственном правовом смысле и фактическим населением³.

В чем же заключается с точки зрения конституционного права различие между лицами, проживающими на территории страны, и гражданами государства? Внешне в том, что последние имеют определенные политические права, например активное и пассивное избирательное право, и на них лежат определенные обязанности, например обязанность несения военной службы⁴. Но эти конституционные права и обязанности в действительности возникают лишь как результат различия в фактическом общественном положении следствия, а не причина неодинакового положения граждан и иных лиц, проживающих на территории страны. При более внимательном анализе мы видим,

¹ Adamič, Handbuch des österreichischen Verfassungsrechts, Fünfte Auflage, Wien, 1957, S. 413.

² H. Kelsen, Allgemeine Staatslehre, Berlin, 1925, S. 160.

³ Beér — Kovács — Szamel, A magyar állampolg, Budapest, 1960, p. 177. (Я. Беер, И. Ковач, Л. Самел, Государственное право Венгерской Народной Республики, ИЛ, 1963, стр. 251.)

⁴ L. Adamič, Handbuch des österreichischen Verfassungsrechts, S. 411; H. Kelsen, Allgemeine Staatslehre, S. 159.

что гражданские права лишь в результате определенного вида социального искажения превратились в права граждан государства, потому что они в принципе принадлежат человеку как «*zoon politikon*», как субъекту политического общества в широком смысле. Лишение политических прав того, кто постоянно проживает в данном государстве, не имеет рационального основания точно так же, как и освобождение такого лица от обязанности несения военной службы. Здесь, очевидно, косвенную роль играли стремление к определенной дискриминации и национализм, вызвавшие хотя и трудно оправдываемую, но в то же время возведенную в принцип двойственность, которая проявляется в разном отношении к положению граждан государства и других лиц, постоянно проживающих на его территории.

Было бы ошибочным в данной связи прибегать к конструкции, согласно которой права, вытекающие из политической природы человека (независимо от его конкретной государственной принадлежности), — это права человека, а права, вытекающие из отношений гражданства с данным государством, — это права гражданина. Это лишь обратная проекция существующего положения, при котором правовой статус гражданина какого-либо государства отличается от правового статуса негражданина, проживающего в данном государстве. Чтобы объяснить отказ в предоставлении некоторых прав лицам, не являющимся гражданами данного государства, нередко ссылаются на отсутствие взаимности. Но это оправдание, а не теоретическое объяснение.

С точки зрения теории права гражданские правоотношения по своей сущности — это правоотношения, входящие в сферу политической надстройки общества и позволяющие людям как политическим существам действовать в рамках этой надстройки, или, другими словами, в рамках политической организации общества.

Итак, если посмотреть на вещи сквозь призму их общественной взаимосвязи, то речь идет о взаимосвязи трех видов неодинаковых по своей значимости и влиянию общественных отношений: производственных, политических и гражданских. Их следует подвергнуть более детальному рассмотрению.

3. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

Гражданские правоотношения — это идеологические общественные отношения между государством и гражданами. Их характер определяется в конечном счете характером производственных отношений данной общественной системы; как надстроечные отношения они интегрированы в политические отношения. Политические отношения — это сложившиеся между общественными классами властные отношения, которые находят свое выражение в характере (типе) данного государства, в его форме, соответствующей классовой структуре и расстановке классовых сил. Хотя в «современном», или «политическом», государстве, как его называл Маркс, экономическая и политическая власть разделены, по существу, они находятся в тесной связи. В государстве, представляющем собой не что иное, как буржуазное государство, формально, постольку, поскольку люди рассматриваются в их политическом качестве, признается равноправие граждан, в то время как производственные отношения ведут к их фактическому неравенству. Позитивные основы гражданских правоотношений сформулированы, как правило, в конституциях государств в виде основных прав «человека и гражданина», то есть в виде гражданских прав, а также гражданских обязанностей.

Отношение между государством и гражданином характеризуется также и менее важными правами и обязанностями вплоть до правоотношений, направленных на обеспечение элементарных условий общественного порядка.

Итак, гражданские правоотношения, как и политические отношения, частью которых они являются, — это идеологические общественные отношения. Участники гражданских правоотношений и вообще политических отношений обычно осознают, что речь идет об общественных отношениях и что они вступают в такие отношения. Однако при этом они не осознают, что эти отношения есть лишь форма, оболочка материальных производственных отношений. Лишь в общем виде они представляют себе, что политические отношения влияют на экономические и вообще социальные условия. Да

и сами политические отношения в эксплуататорском обществе выступают в искаженном ракурсе.

Гражданские отношения, будучи частью политических отношений, являются одновременно и правоотношениями. Как в политическом, так и в правовом плане они представляют собой в конечном счете отражение производственных отношений. На это в скалой форме указывали Маркс и Энгельс: «... Производственные отношения индивидов должны выражаться также в качестве правовых и политических отношений...»¹ Политические отношения в целом соответствуют общим социальным интересам господствующих классов, представителем которых является государство. Гражданские правоотношения также связаны с этими интересами в том смысле, что они содержат обусловливаемые ими права и обязанности. Буржуазное конституционное право формально наделяет каждого гражданина гражданскими правами, но возможность их практической реализации не гарантирована общественными условиями капитализма. «Каждый параграф конституции содержит в самом себе свою собственную противоположность, свою собственную верхнюю и нижнюю плату: свободу — в общей фразе, упразднение свободы — в оговорке»², — пишет Маркс.

Всеобщность гражданских прав в социалистическом обществе и их реальность обусловлены коренным изменением характера политических, классовых отношений и зависят от того, с какой быстротой претворяется в жизнь это изменение. Социалистические конституции предусматривают такой объем гражданских прав, какой реально осуществим на данной стадии развития социалистических общественных отношений.

В полемике с Каутским В. И. Ленин сказал, что лишение избирательного права эксплуататорских элементов диктатурой пролетариата в России было связано со своеобразными условиями русской революции и особым путем ее развития, но что это «не составляет *необходимого* признака логического понятия диктатуры»³. Объем и пределы избирательного права зависят от конкретных путей социалистической революции.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 360.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 8, стр. 132.

³ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 37, стр. 265—266.

4. ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ В КАПИТАЛИСТИЧЕСКОМ И СОЦИАЛИСТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ

По своему содержанию отношения между государством и гражданами относятся к числу политических, поскольку они определяют правовое положение людей в системе политической организации общества, то есть в государстве. Это правовое положение капиталистическое государство регулирует, как правило, в общем порядке, без проведения формальных различий между гражданами. Но в действительности правовое положение групп людей, общественных классов существенно различается, что обусловлено различием в их материальном положении. Буржуазная демократическая республика формально не принимает в счет неравенство собственности, однако при этом, по словам Энгельса, «богатство пользуется своей властью косвенно, но зато тем вернее»¹.

Гражданские правоотношения, то есть общие права и обязанности людей как членов политического общества в аспекте конституционного права, характеризуют положение людей в их политическом качестве. Это, в частности, означает, что реализация гражданских отношений происходит таким образом, что люди пользуются предоставленными им правами, но подчиняют себя при этом законам государства. Можно сказать, что гражданские правоотношения как бы утверждают людей в качестве членов политического общества, а «цена» этого членства — их подчиненное, зависимое положение. Подобного рода политико-властное подчинение приуще эксплуататорским государствам; оно обусловлено экономическими интересами и зависимостями. Теория общественного договора, игнорируя это, рассматривала государство как результат такого свободного общественного соглашения, за которым не стоит общественная принудительная сила; в тени оставались экономические движущие факторы и обусловленные ими соотношения сил, при котором частные собственности средства производства в целях защиты своих эконо-

номических интересов, а эксплуатируемые классы из-за их экономической зависимости оказались вынужденными заключить этот «общественный договор», то есть, другими словами, создать определенную политическую организацию общества.

В условиях социалистического общества и социалистического государства гражданские правоотношения подвергаются коренному преобразованию. К тому об-ществу свойству любых гражданских отношений, в силу которого люди, участвующие в них, всегда выступают как общественные существа, добавляется принципиальный момент, а именно то, что это общее свойство выражается в таких правоотношениях, в которых связь людей с государством основывается на принципиальной тождественности интересов. Тот общий интерес, который выражает и реализует социалистическое государство, в принципе совпадает с интересом подавляющего большинства граждан, а в более поздней стадии — с общими интересами всех граждан, поскольку само социалистическое государство как раз и является представителем и выразителем общих интересов трудящихся. Однако и эти гражданские правоотношения, основанные на совпадении интересов, на практике должны быть конкретизированы, ибо практически граждане выступают в отношении не только с государством, как абстрактным целым, но и с отдельными его органами. В этой связи возможны конфликты, вызываемые различным пониманием общего и личного или соотношения между общим и личным интересом. Поэтому чег-кое закрепление гражданских прав весьма существенно.

Итак, в теоретическом плане гражданские права можно охарактеризовать как выражение всеобщности политических отношений. В иерархии общественных отношений, взятых во всей их совокупности, они представляют собой конкретизацию определенных идеологических общественных отношений, а именно политических отношений.

Практически эта конкретизация происходит при помощи конституционного права, благодаря чему в принципе одинаковые основные отношения могут принимать и фактически принимают различную конкретную форму.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 172.

5. ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ СТОРОНЫ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Гражданские правоотношения в их конституционно-правовом оформлении мы называем «позитивными отношениями» не только потому, что они закреплены действующим правом, но и потому, что в принципе они выражают положение граждан и их отношение к государству в форме основных прав и обязанностей граждан. Это отношение может быть названо общим позитивным статусом граждан¹.

Позитивно-правовой аспект гражданских правоотношений находит свое негативное отражение в уголовно-правовых отношениях. К уголовному праву мы еще вернемся ниже, но уже здесь следует отметить, что в определенном смысле негативные по своему характеру уголовно-правовые отношения при соблюдении уголовного закона могут рассматриваться и как позитивные гражданские правовые отношения, которые соответствуют конституционному требованию соблюдения законов. В целом же обычно уголовно-правовые отношения как раз свидетельствуют о нарушении того или иного лица против определенных требований государства и определенных общественных интересов. В этом случае, повторяем, они выступают как негативный аспект гражданских отношений.

В то же время следует отметить, что существенным в данной связи является далеко не всякое уголовно-правовое отношение.

Мы полагаем, что было бы упрощением рассматривать любое уголовное правонарушение как принципиально негативное отношение к данному обществу, строго и, следовательно, как негативный аспект гражданских правоотношений. Очевидно, то, что мы называем негативным аспектом гражданских правоотношений, относится лишь к тем составам уголовного права, которые касаются нарушения или обхода основных общественных начал. Речь в этой связи должна идти прежде всего о государственных преступлениях как антиподе основных гражданских прав и обязанно-

¹ Нельзя полностью согласиться с Г. Еллинеком, согласно взглядам которого *status civilis* (статус активного гражданства) составляет лишь часть гражданских прав.

стей, но не только о них. Сюда относятся, например, и многие преступления против личности, особенно связанные с нарушением принципа равноправия.

Уголовно-правовые отношения, о которых идет речь, также являются политическими отношениями, и не только потому, что правоотношения вообще относятся к политическим отношениям, но и потому, что они непосредственно отражают основные политические отношения общества, в том числе отношения по поводу власти, отношения между общественными классами и т. д. Уголовно-правовые отношения охраняют эти политические отношения и существующую власть.

Уголовно-правовые отношения отражают особенность правовой системы, заключающуюся в том, что гражданские правоотношения как существенную часть политических отношений она дополняет нормами отрасли права, располагающей наиболее сильными санкциями, и делает это более или менее всегда, когда речь идет об общественных отношениях, имеющих основополагающее значение.

6. ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ В ИЕРАРХИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

В иерархии общественных отношений мы выделяем три взаимосвязанных элемента. Основанием ее служат производственные отношения (которые, между прочим, сами выражаются в качестве правоотношений собственности). На производственных отношениях основываются политические отношения, возникшие вследствие разделения общества на классы; марксизм называет эти отношения политической надстройкой. Третьим элементом иерархии (но не единственным элементом этой третьей ступени) являются гражданские правоотношения. Взаимосвязь этих трех элементов неодинакова, и возможности их взаимодействия различны.

Известно положение марксизма о том, что экономический базис определяет в конечном счете характер политических отношений, отношения классов и связанных с ними иные отношения. Отношение же между

«определяемым» и «определяющим» марксизм, для того чтобы подчеркнуть первичность экономического базиса, называет обратным воздействием политических отношений. Обратное воздействие — это такой постоянный фактор, который в определенных условиях времени может стать решающим, но, по словам Энгельса, «экономическое движение в общем и целом проложит себе путь». «Это есть взаимодействие двух неодинаковых сил: с одной стороны, экономического движения, а с другой — новой политической силы, которая стремится к возможно большей самостоятельности и, раз уже она введена в действие, обладает также и собственным движением»¹. Это «стремление к возможно большей самостоятельности», и результат этого — относительная самостоятельность — есть характерная особенность политических отношений, так же как и их обусловленность в конечном счете². Энгельс говорит «о неравных силах» потому, что речь идет о взаимосвязи материальных и идеологических общественных отношений, о взаимосвязи содержания и формы, о двойственности материального общественного содержания и идеологической общественной формы.

Сами гражданские правоотношения, как мы уже отметили, покоятся непосредственно на политических общественных отношениях, то есть непосредственным источником, определяющим их содержание, служит идеологическое общественное отношение — политическое отношение. Поэтому можно сказать, что правоотношения между государством и гражданами — это форма идеологических общественных отношений (политических отношений), являющаяся в то же время самостоятельным общественным идеологическим отношением; именно в этом главным образом их отличие от правоотношений собственности, которые в идеологической форме выражают материальные общественные отношения.

Приведенная нами иерархическая схема несколько упрощает сложную действительность взаимосвязи, но тем не менее она пригодна для раскрытия их сущности.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 417.

² Современная символическая логика, как нам известно, не разработала еще соответствующего знака для выражения этой диалектической взаимосвязи действия и обратного воздействия.

Общая черта политических и гражданских правоотношений заключается в том, что и те и другие определяются в конечном счете экономическим базисом, оказывая в то же время на него и обратное воздействие. Следствием того, что общественные отношения расположены на одинаковом уровне, что все они входят в политическую надстройку, является единство политической и правовой надстройки (об этом ниже). Политические отношения и гражданские правоотношения также соотносятся между собой как содержание и форма, причинная связь, существующая между ними, — это взаимодействие определяющего и определяемого.

Политическим отношениям принадлежит определяющая роль, но по своему значению она не тождественна роли экономической основы, обуславливающей в конечном счете надстройку в целом. Таким образом, гражданские правоотношения в иерархической схеме сочетаются с различными по значению и рангу социальными явлениями и их объективно обусловливаемые взаимосвязи могут быть во многом выражены категориями содержания и формы.

В нашей тройной иерархии можно проследить как вертикальные, так и горизонтальные связи. В последнем случае речь идет об идеологических общественных отношениях, входящих в надстройку.

7. РАЗЛИЧИЯ МЕЖДУ ПРАВООТНОШЕНИЯМИ СОБСТВЕННОСТИ И ГРАЖДАНСКИМИ ПРАВООТНОШЕНИЯМИ

Гражданские правоотношения охватывают, как правило, всех граждан, за возможным исключением определенной части населения, в отношении которой применяется дискриминация. Они действуют, то есть порождают права и обязанности, и не будучи конкретизированы в единичных актах и правоотношениях.

Права на участие в общественной жизни действительны в отношении всех граждан даже тогда, когда в связи с этими правами не возникает конкретных правоотношений. То же самое можно сказать и об обязан-

венника товаров»¹. К этой двойственности в плане гражданского права теория права добавляет еще один элемент, утверждая, что само государственное предприятие — это проводник экономической политики, осуществляемой органами управления социалистического государства. Теория государства и права объясняет это качество предприятия, исходя из хозяйственно-организаторской функции социалистического государства, которую выполняют органы политической власти. С этой точки зрения хозяйственно-организаторская деятельность государственных органов может рассматриваться в качестве политической функции социалистического государства².

По господствующему в литературе мнению для политических отношений, а в их рамках и для гражданских правоотношений, характерно подчинение, поскольку это отношения не между гражданами, а между государством и гражданами, к тому же отношения, которые, как правило, соответствуют властным отношениям.

В социалистических условиях положение меняется, поскольку граждане в этом их политическом качестве, хотя и в различной степени и различным образом, принимают участие в осуществлении власти. Эта новая политическая ситуация не исключает, однако, такое

¹ Viliághy Miklós, Az állam és vállalat, «Jogtudományi Közönlöny», 1967, № 10, 11, p. 577.

² О связи частно-правовых и публично-правовых отношений в 1922 г. Ленин писал: «Мы ничего «частного» не признаем, для нас все в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное. Мы допускаем капитализм только государственной, а государство, это — мы... Отсюда — расширить применение государственного вмешательства, в «частноправовые» отношения... применять не *corpus juris* *romani* к «гражданским правовым отношениям», а *наше революционное правосознание...*» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 44, стр. 398). Это положение буржуазная правовая наука толкует превратно. Дело в том, что Ленин здесь имеет в виду отношения, связанные не с общественной, а с частной собственностью. Большую часть этих отношений он считал необходимым лишить права абсолютного распоряжения. Указанное положение ни в коем случае нельзя толковать так, будто бы любой частной сфере следует придать «публично-правовой» характер, что открывало бы перед государством путь к неограниченному вмешательству в частную жизнь. Дуализм публичного и частного права, как мы уже на это указывали, при социализме становится более относительным — во всяком случае, характер различия изменяется.

ности граждан соблюдать законы. Большинство этих прав и обязанностей лишь в особых случаях, а именно при их нарушении, принимают форму конкретных правоотношений негативного характера. Напомним, что в качестве примера их мы ссылались на угольно-правовые отношения. Таким образом, гражданские правоотношения могут выступать как в общей форме, так и в виде индивидуальных негативных правоотношений. Поэтому в своей совокупности они могут быть названы правоотношениями *общей индивидуального характера*. Но это лишь одна из черт гражданских правоотношений; как форма политических отношений они обладают и другими, связанными с этим характерными особенностями.

Явное размежевание экономической и политической организацией буржуазного общества сопровождается одновременно определенным разграничением экономического и политического принуждения, хотя их единство в общем виде несомненно. Дуализм экономического и политического принуждения в современном праве проявляется также и в разграничении частного и публичного права, точнее говоря, в еще более подчеркнутом разграничении частноправовых и публично-правовых отношений, чем это делало когда-то римское право. В то же время все эти отношения правовые, а это значит, что за ними стоит политическое принуждение; тем не менее способ, каким экономическое принуждение влияет на возникновение частноправовых, а политическое — публично-правовых отношений, является существенным фактором, определяющим различие между этими двумя видами общественных отношений.

В социалистических условиях в круг субъектов правоотношений собственности в широком масштабе вступают общественные и государственные органы и само государство. Возникает вопрос, возможно ли и в какой мере это необходимо проводить в этих случаях различие между политическим характером государственных органов и их экономической ролью? Новейшая венгерская литература по гражданскому праву, говоря о социалистическом государственном предприятии, подчеркивает его двойственный характер как государственного учреждения и как носителя функции «собст-

свойство индивидуальных гражданских правоотношений, как подчинение. Но сами отношения подчинения из «абсолютных» становятся относительно лишь в некоторых подчинениях сохраняется полностью лишь в некоторых гражданских правоотношениях.

В социалистических государствах, таким образом, принцип подчинения в политико-властных отношениях существенно меняется, но вместе с тем он порождает и некоторые проблемы. Не все понимают, что реализация индивидуальных (единичных) отношений, где полностью действует принцип подчинения, требует дисциплины. В этом один из источников отдельных конфликтов, возникающих в процессе претворения в жизнь социалистической демократии. Отсутствует понимание того, что между полным отождествлением гражданина с властью и подчинением его в единичных отношениях власти нет непримиримого противоречия, что речь идет о двух дополняющих друг друга сторонах одного отношения.

Различие между правоотношениями собственности и гражданскими правоотношениями можно обнаружить в тех мотивах, следуя которым люди вступают в тот или иной вид отношений. В обоих случаях речь идет о волевых отношениях, но волевой элемент в них определяется различными обстоятельствами. В отношениях собственности скорее обнаруживается непосредственная материальная движущая сила, которая и приводит к созданию правоотношения. При этом осознанные общесоциальные мотивы не лежат в основе этой воли. При гражданских правоотношениях мы также встречаемся с волей, направленной непосредственно на создание правоотношения. Однако источником всей совокупности таких правоотношений, то есть связей гражданства, являются политические отношения и осознание этих отношений; за этими связями, таким образом, стоит их общественное осознание (правильное или ошибочное).

Таким образом, отношения собственности и гражданские правоотношения различаются по их общественному осознанию и характеру связи «сознание-воля» как движущего фактора возникновения конкретных отношений.

Остается отметить еще одну характерную черту

воли, выраженной в единичных гражданских правоотношениях. Возьмем в качестве примера гражданские обязанности. Когда кто-либо платит налог, то это, естественно, его волевой акт, но он в принудительном порядке продиктован политическим отношением, лежащим в его основе, и является его прямым последствием. Однако в отношении гражданских прав дело обстоит не совсем так, как в отношении гражданских обязанностей. Возьмем, например, «вступление» в гражданство. Оно не может иметь места по намерению или воле лица, не находящегося уже в определенных связях гражданства. Это «вступление» возможно, в частности, в порядке изменения гражданства. Во всяком случае, политическое свойство человека — это «вынужденное членство». В рамках этого объективно определенного политического отношения человек обладает, когда речь идет о его гражданских правах, относительно большей свободой воли, чем в случае гражданских обязанностей. Однако по отношению к своей политической основе эта воля не столь значительна, ибо речь идет о властных отношениях. Социализм изменяет не характер этого отношения, а сущность самого властного элемента и предполагает такое развитие, вследствие которого станет ненужным закрепление общественных отношений во властно-политической форме.

8. СВЕДЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЙ К ПРОИЗВОДСТВЕННЫМ ОТНОШЕНИЯМ

Для многих теорий конца XIX — начала XX века гражданские правоотношения, как и право в целом, выступали лишь в качестве результата политико-властных отношений. Такова была позиция позитивизма в публичном праве, для которого государство являлось основным источником гражданских, как и всех иных политических, отношений.

Этот односторонний взгляд как бы останавливается на политико-властных отношениях и не доходит до понимания их объективной обусловленности. Сами же гражданские правоотношения сводятся лишь к подчинению, точнее, к отношению между властью и подчиненными. И хотя либеральное государство предостав-

ляет индивиду определенные права, в принципе с точки зрения рассматриваемой концепции логически возможно и такое государство, которое состояло бы из одних подчиненных, субъектов обязанностей. Эта концепция приводит и к выводу о том, что существующим элементом права является обязанность, которая, во всяком случае, важнее, чем субъективное право.

Причины распространения подобных взглядов в начале XX века вовсе не resultat внутренней логики развития науки. Они коренятся в социально-политических изменениях, которые произошли в этот исторический период и поколебали старое либеральное понимание буржуазной демократии. С этим связано получившее широкое распространение в буржуазной литературе отрицание категории субъективных прав, в том числе и применительно к гражданским правам, в том числе. Эти социально-политические изменения в свою очередь имели свои причины, которые, как это нетрудно увидеть при правильном понимании иерархии общественных отношений, коренятся в производственно-экономических отношениях. «Если признать силу базиса права... то право, закон и т. д. — только симптом, выражение *других* отношений, на которых покоится государственная власть. Материальная жизнь индивидов, отнюдь не зависящая просто от их «воли», их способ производства и форма общения, которые взаимно обуславливают друг друга, есть реальный базис государства...»¹

И в социалистическом обществе в отношениях государства и гражданина во многих случаях проясляется властный элемент, а в конкретном гражданском правоотношении возможны известные коллизии между властным правомочием и субъективным правом. Однако основным является то, что здесь речь идет об особой по своему характеру власти, в осуществлении которой всегда участвует и сам гражданин. Это принципиально важно с точки зрения общего основного отношения государства и гражданина. Конечно, определяющим фактором, направляющим развитие гражданских правоотношений и их нормальную бесконфликтную реализацию, служит то, что политические отношения в со-

циалистическом обществе определяются такими объективными производственными отношениями, которые не являются больше отношениями эксплуатации и не основываются на частной собственности на средства производства. Для системы, фундамент которой составляет общественная собственность на средства производства, характерны политические отношения, в которых властный элемент хотя и присутствует, но не является определяющим. Гражданские правоотношения в социалистическом обществе — это результат таковых политических и производственных отношений, которые в ходе своего развития ведут к снятию всех возможных противоречий между индивидом и политическим обществом.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 322.

III. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ

1. ВЗАИМОСВЯЗЬ МЕЖДУ МАТЕРИАЛЬНЫМИ И ПРОЦЕССУАЛЬНЫМИ ПРАВООТНОШЕНИЯМИ

Процессуальные правоотношения — это особая самостоятельная форма общественных отношений, но таких, которые сами выступают в форме правоотношений или, во всяком случае, регламентированы правом. Иными словами, процессуальные отношения — это как бы удвоенная форма общественных отношений. Их содержание составляют, собственно говоря, те правоотношения, которые государство предусматривает в нормах, то есть в правилах, определяющих «нормальный ход» общественных отношений. Эти возникающие в соответствии с правовыми нормами правоотношения, которые называют «материальными», являются первичными, а процессуальные правоотношения — вторичными, возникающими на основе первых и в некоторой степени зависящими от них.

Однако первичные материальные правоотношения сами являются одновременно формами или следствиями других общественных отношений. В этом мы убедились на примере правоотношений собственности, являющихся, кратко говоря, юридическими формами производственных отношений, равно как и на примере гражданских правоотношений, представляющих собой правовые формы политических отношений. Будучи сами формой определенного содержания, материальные правоотношения одновременно являются содержанием процессуальных отношений, играя по отношению к ним определяюще-воздействующую роль. Форма сама становится содержанием, но уже вторичных процессуальных правоотношений. Взаимосвязь этих двух видов правоотношений заключается прежде всего в том, что вторичные правоотношения возникают в случае нарушения нормального хода первичных правоотношений и, следовательно, несоблюдения соответствующих правовых норм.

Строго разграничение первичных правоотношений как материальных, а вторичных — как формальных в какой-то мере относительно, ибо и формальное правоотношение, как мы скоро увидим, имеет свое собственное «содержание», и может быть рассматриваемо в этом смысле как «материальное».

Взаимосвязь между «материальными» и «процессуальными» правоотношениями как соотношение содержания и формы представляет собой очень важную, хотя и не единственную, сторону проблемы. На нее указывал молодой Маркс. В статье «Дебаты по поводу закона о краже леса» Маркс подчеркивал, что «материальное право... имеет свои *необходимые, присущие ему процессуальные формы*»¹. Как и всякая форма, процессуальное право не имеет ценности, если оно не форма содержания. С этой точки зрения, рассуждает Маркс, китайское право стало бы французским, если бы его втиснули в форму французской процедуры. Но ничего подобного произойти не может. «Как в китайском праве обязательно фигурирует палка, как с содержанием средневекового уголовного уложения, в качестве процессуальной формы, неразрывно связана пытка, — подобно этому гласный, свободный судебный процесс составляет необходимую принадлежность гласного по своей природе содержания... Судебный процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы животных — с мясом и кровью животных... Процесс есть только *форма жизни закона*, следовательно, проявление его внутренней жизни»².

Хотя некоторые авторы проводят слишком резкое разграничение между материально-правовыми и процессуально-правовыми отношениями, в результате чего материальное право приобретает характер сущности, а процессуальное — выступает лишь как нечто технико-формальное³, общей можно считать точку зрения, оценивающую процессуальное право как обязательное

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 158.

² Там же.

³ Так, например, В. Манзини также говорит о «существенном или материальном» уголовном праве, делая на нем основное ударение. Трудно представить себе, пишет

средство реализации материального права и ставящую материальное и процессуальное право в отношение функциональной зависимости. Советская литература рассматривает процессуально-правовое отношение как средство, служащее реализации материально-правового отношения¹ (мы пока не касаемся различий между гражданским и уголовным процессами).

Таким образом, мы рассмотрели один из элементов связи и различия между материальными и процессуальными, первичными и вторичными правоотношениями. Но это отнюдь не исчерпывает существа проблемы. Мы еще не пошли дальше логической или собственно правовой связи между этими двумя видами правоотношений.

Социалистическая литература не останавливается на этой стороне проблемы и подчеркивает, что, кроме юридико-логической взаимосвязи этих двух видов правоотношений, прослеживаются и более глубинные связи. Разумеется, характер процессуальных прав самым существенным образом определяют материальные правоотношения. Содержание самого процесса и являющихся его объектом материальных отношений, пути воздействия на этот объект, характер соответствующих институтов — все это стоит довольно далеко от производственных отношений, связано с ними лишь через многие промежуточные ступени. Попытка вывести все это непосредственно из производственных отношений была бы, пожалуй, упрощением, но тем не менее при помощи опосредствующих звеньев извещенные связи прослеживаются и здесь. Непосредствен-

он, существование материального права без формальных гарантий, но процессуальное право абсолютно невозможно представить без существования права. (V. Manzini, Trattato di diritto processuale penale italiano, vol. I, Torino, 1956, p. 77—79.) Возможна и обратная крайность. По мнению некоторых французских правоведов, «легче привыкнуть к плохим по существу законам, чем обойтись без их хороших форм». (J. A. Roux, Cours de droit pénal et procédure pénale, Paris, 1920, p. 441).

¹ Например: С. Н. Абрамов, Гражданский процесс, М., 1948: «Без гражданского процессуального права гражданское право... было бы лишено реальности» (стр. 8); Д. С. Карев, Советский уголовный процесс, М., 1948: «Нормы советского уголовного права в каждом конкретном случае находят свое применение посредством уголовного процессуального права» (стр. 29).

ное воздействие на процессуальные правоотношения оказывают соответствующие материальные правовые отношения, но (подробнее об этом ниже) на них влияют и политические отношения. Поэтому мы считаем, что между материальными и процессуальными правоотношениями существует не функциональная, а причинная связь.

Социальный смысл тех или иных процессуальных правоотношений не может быть понят без понимания характера тех материальных правоотношений, с которыми связаны данные процессуальные правоотношения. Характер уголовных процессуальных правоотношений определяется, например, в первую очередь теми материальными правовыми отношениями, которые закон квалифицирует как преступления, предусматривая за их совершение наказание.

Формирование правоотношений собственности, их институционализация в системе с другими институтами гражданского права непосредственно определяют гражданские процессуально-правовые отношения. Характер материальных уголовно-правовых и гражданско-правовых отношений воздействует, естественно, в первую очередь не на технику процессуального права, а на его основные черты. Наш тезис в развернутом виде может быть сформулирован следующим образом: материальные и процессуальные, первичные и вторичные правоотношения на определенном социальном уровне составляют единство, внутри которого они соотносятся друг с другом как содержание и форма.

Тот тезис, что процессуальные правоотношения являются прямым социальным следствием материальных правовых отношений (но оказывающим на них и обратное воздействие), может быть выражен и при помощи других понятий, используемых марксизмом. Можно, в частности, сказать, что процессуальные правоотношения — это идеологические общественные отношения, непосредственное содержание которых определяют иного вида идеологические общественные отношения — материальные правоотношения.

Соответственно этому в иерархии общественных явлений «самой верхней» и «самой юридической» является совокупность процессуальных правовых отношений; ниже их — материальные правовые отношения,

еще ниже — политические отношения, которые, будучи в свою очередь продуктом классовых отношений, покоятся на производственных отношениях. Естественно, эта конструкция весьма схематична. Чтобы показать относительность этой схемы, достаточно указать на то, что названные выше виды правоотношений, следуя логически друг за другом, являются одновременно в их совокупности взаимосвязанным целым, в одинаковой мере носят политический характер и вместе с политическими отношениями и институтами составляют политико-правовую надстройку общества.

2. СОДЕРЖАНИЕ И ФОРМА ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Переходим к вопросу об относительной самостоятельности процессуальных правоотношений, о том, что отличает их от материальных правоотношений. Для этого нужно выявить те общественные факторы, которые также воздействуют или влияют на процессуальные правоотношения. Относительная самостоятельность процессуального правового отношения означает, являясь формой по отношению к материальному правовому отношению, оно само в свою очередь включает элементы содержания и формы, которые следует различать. Останемся на этом несколько подробнее.

Для проведения различия между процессуальными и материальными правоотношениями буржуазная литература использует целый ряд критериев, иногда достаточно общего плана. Интересна в этой связи позиция Радбруха, резко разграничивающего эти два вида правоотношений. С его точки зрения, каждый из них выражает и охраняет различные ценности: материальное право — справедливость, а процессуальное — правовую безопасность. Радбрух не отрицает, что процесс служит материальному праву, но в то же время считает, что он выходит за его рамки, поскольку требует безусловной реализации права, независимо от того, справедливо это или нет¹. Радбрух довел разграничение до край-

¹ G. Radbruch, Grundzüge der Rechtsphilosophie, Leipzig, 1914, S. 91, 175.

ности. Справедливость и правовая безопасность — это принципы обеих отраслей права, хотя, бесспорно, материальное право реализует, скорее, первую, а процессуальное право — вторую ценность.

Представители гражданского права в своих формальных доводах исходят из того, что материальные и процессуальные правовые отношения в качестве индивидуальных правоотношений могут быть определены отграничены друг от друга. Так, в случае спора о праве собственности, помимо правоотношения собственности, возникает новое правоотношение — процессуально-правовое отношение. Оно включает в себя отношение права собственности, то есть гражданское правовое отношение с его общими признаками; вместе с тем в процессуально-правовом отношении стороны обладают специфическими процессуальными правами, и на них возлагаются обязанности, имеющие собственное содержание¹.

Несколько иное положение создано в литературе по уголовному процессуальному праву, хотя и здесь неизбежно присутствуют элементы правового формализма. Довольно большое распространение получила точка зрения, согласно которой материальное уголовное-правовое отношение возникает лишь в случае нарушения уголовного права. На односторонность этого взгляда указывалось уже в предыдущей главе. По нашему мнению, нормы материального уголовного права действуют и тогда, когда они соблюдаются. Материальное уголовное право нельзя считать нереализованным до тех пор, пока его нормы не будут нарушены. Что касается уголовного-процессуального правоотношения, то оно является следствием индивидуального уголовного-правового отношения, при котором возникает необходи-

¹ «... Следует разграничивать гражданское процессуальное право и гражданское право. Гражданское право способно возникнуть по правоотношениям и приобретению субъективных прав, но ничего не делает для их установления, осуществления и обеспечения» (L. Rosenberg, Lehrbuch des deutschen Zivilprozessrechts, VI, München und Berlin, 1954, S. 4). Аналогичное высказывание можно встретить в венгерской литературе: «Процессуальное право — формальное право постольку, поскольку оно определяет формы процессуальных действий и содержит в то же время материальные нормы» (Bacsó Jenő, A polgári perrendtartás tankönyve, Budapest, 1917, p. 9).

мость применения санкций, поскольку нарушена материальная правовая норма. Уголовно-процессуальное правоотношение не может возникнуть, если люди не нарушают запрет, содержащийся в материальной норме. Этот запрет, как правило, соблюдают, и возникает единичного уголовно-правового материального отношения, то есть нарушение нормы, является по сравнению с этим лишь исключением.

Таким образом, взаимосвязи между уголовным материально-правовым и уголовным процессуально-правовым отношениями не соответствуют той связи, в которой находятся друг с другом гражданские материально-правовое и процессуально-правовое отношения.

В литературе по уголовному процессуальному праву встречается утверждение, что уголовное процессуальное право реализует, применяет материальное уголовное право¹.

Очевидно, это утверждение недостаточно и нужно идти дальше в сторону более широкого подхода к проблеме. Такова позиция М. С. Строговича, который подчеркивает тесную связь между уголовным процессуальным и материальным правом. В то же время он считает, что обеспечение соблюдения норм уголовного права достигается не только посредством процесса, но и путем предупредительного воздействия уголовных законов².

Говоря о том, что Маркс отвергает воззрение, согласно которому уголовный процесс есть только форма, не именующая своего содержания, М. С. Строгович подчеркивает невозможность ситуации, когда одни нормы права были бы только формой других норм права, а последние только содержанием первых. «В широком смысле, — пишет он, — всякое право есть форма общественных отношений, опосредствуемых правом, и именно общественные отношения являются содержанием права»³. М. С. Строгович возражает против имеющих место в юридической литературе попыток истол-

¹ См. приведенную выше (стр. 54) цитату из учебника по уголовному процессу под ред. Д. С. Карева.

² М. С. Строгович, Курс советского уголовного процесса, М., 1958, стр. 46.

³ Там же, стр. 47.

ковать взгляды Маркса на соотношение уголовного права и процесса в том смысле, что второе есть форма первого. В действительности каждая из этих двух тесно взаимосвязанных отраслей относительно самостоятельна.

Впрочем, следует отметить, что соотношение содержания и формы может быть перенесено на иной уровень.

Процессуальные отношения Маркс считал формой и в том смысле, что материальные правовые отношения оказывают на них определяющее воздействие. Возражение направлено против другого разграничения содержания и формы, остающегося, можно сказать, на более низкой ступени внутри мира права. Действительно, процессуальное право не может быть понято, если оно объясняется лишь формой материального права, не чем иным, как каким-то чистым рефлексом материального права.

Аргументы М. С. Строговича, по нашему мнению, правильны, когда он говорит, что как уголовный процесс, так и уголовное право имеют свое содержание (регулируемые общественные отношения) и свою форму (способ регулирования общественных отношений)¹. Если в этой взаимосвязи способ регулирования зависит в первую очередь от характера регулируемых отношений, то это как раз та связь между этими двумя отраслями права, на которую указывал Маркс, когда он процесс рассматривал как форму материального права. С другой стороны, а точнее, на другом уровне, процессуальные правоотношения также имеют свои правовые содержание и форму.

Как мы уже говорили, процессуальные правоотношения — это идеологические общественные отношения, обладающие известной самостоятельностью по отношению к остальным правоотношениям. Благодаря им возникают специфические общественные связи, субъекты которых выступают в особом государственно-политическом и правовом качестве. Эти общественные связи характеризуются тем, что в них участвуют специальные органы применения права. В движении процессуальных правоотношений у их участников возникают

¹ См.: М. С. Строгович, цит. соч.

своеобразные, отличные с юридической точки зрения от материального права правомочия и обязанности. Такие права и обязанности в свою очередь являются определенным содержанием. Наряду с ними следует различать внешнюю сторону, то есть форму, в которой происходит сам процесс.

3. НЕРАВНОЕ РАЗВИТИЕ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ПРАВООТНОШЕНИЙ

Одна из закономерностей, установленных теорией права, состоит в том, что определяющий характер общественных отношений по-разному и в неодинаковой степени проявляется применительно к различным группам правоотношений, правовым системам и внутри них к отраслям права.

Маркс имел это в виду, когда говорил о развитии производственных отношений как правовых отношений. Правда, Маркса интересовал при этом исторический аспект рассматриваемой нами проблемы. Но в целом речь идет именно о том, в какой степени правовые формы могут отставать от способа производства и как это выглядит применительно к разным видам правоотношений. В сущности, эту же проблему Маркс ставил, когда он указывал на «*необходимое отношение развития материального производства, например, к хозяйственному производству*». Особенно трудным он считал вопрос о том, каким образом производственные отношения, как правовые отношения, вступают в неравное развитие. Маркс указывает в этой связи на отношение римского частного права к современному производству (почему это частное право могло быть использовано при капиталистическом способе производства) и делает оговорку, что к уголовному и публичному праву это относится в меньшей степени¹. Но это в

¹ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 12, стр. 736.

На неравное развитие экономики и правовых институтов в отношении частного права после Маркса указывал Карл Реннер, различая, с одной стороны, изменение функций правовых институтов, а с другой — изменение содержания их норм; на основе этого несколько искусственного разделения он пытался доказать, будто в своем развитии буржуазное частное право сохраняя свои нормы неизменными вместе с тем все

свою очередь означает, что частное, уголовное и конституционное право могут также иметь неравное развитие по отношению к способу производства. Это одновременно и вопрос о том, каким образом отдельные правоотношения и правовые институты могут быть использованы в услугах других общественных формаций, то есть как части надстройки над иной экономической основой, чем та, которая вызвала их к жизни.

Неравное развитие внутри правовых систем может быть обусловлено, как уже отмечалось, характером связи с производственными отношениями. Оно зависит главным образом от роли тех социальных факторов, которые как бы вклинились между производственными отношениями и правоотношениями. Чем сильнее воздействие этих факторов, тем ощутимее может проявиться неравное развитие правовых отношений и институтов по отношению к их общей основе. Процессуальные правоотношения подвержены в этом плане особенно сильному воздействию со стороны политических факторов.

Воздействие этих факторов на процессуальное право в свою очередь зависит от соотношения классовых сил. На процессуальных отношениях отражается характер политической системы, степень ее демократизма. Прежде всего эти факторы влияют на процесс реализации процессуальных прав, то есть на организацию системы правосудия, оказывая одновременно воздействие и на организацию государственного управления. Но кроме того, характер политической системы и степень ее демократизма определяют принципы процесса, его построение в целом, систему доказывания, порядок пересмотра решений и т. д.

Констатируя, что политическая система данного государства в большей мере воздействует на процессуальные правоотношения, чем на материальные правоотношения, мы должны добавить, что быстрого изменения, зависящая от политических факторов, неодинакова: гражданско-процессуальное право, например, разви-

более «социализируется». Возникает вопрос: совместимо ли это с позицией Маркса? (См.: K. Renner, Die Rechtsinstitute des Privatrechts und ihre soziale Funktion. Ein Beitrag zur Kritik des bürgerlichen Rechts, Tübingen, 1929, S. 9.)

вается медленнее, чем уголовный процесс. Представляется, что последний наиболее быстро реагирует на тенденции политической системы, хотя материальное уголовное право — в особенности его разделы, непосредственно связанные с политикой, — также весьма чувствительно к такому рода изменениям. Итак, связь различных процессуальных отношений с политическими отношениями неодинакова. Здесь могут сказываться различного рода обстоятельства, в том числе известная самостоятельность правовой формы, проявляющаяся особенно часто при кодификации.

Таким образом, на движении процессуального права под влиянием политических отношений сказывается закон неравного развития. Процессуальные правоотношения подвергнутся, как правило, более частым изменениям, чем материальные.

Среди других общественных факторов, влияющих на материальное и процессуальное право, следует указать и на правовую науку. Но здесь встречается такое разнообразие взаимосвязей, в отношении которых трудно обнаружить какую-либо общую закономерность. Если мы рассматриваем влияние правовой науки на правовое развитие (а это лишь один аспект правовой науки), то, пожалуй, можно сказать, что практическая роль правовой науки в данном случае тем больше, чем дальше находится от экономической основы общества исследуемая отрасль права. Иначе говоря, область «свободного выбора» наукой правовых решений тем шире, чем большее число общественных отношений расположено между позитивным правом и производственными отношениями. Но эта ситуация чревата и опасностями, ибо многие решения, предлагаемые правовой наукой, могут иметь характер самоцели, отразать ход идей и логику понятий, а не потребности практического развития.

4. ЕДИНСТВО И ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВООТНОШЕНИЙ

Неравномерное развитие и относительная самостоятельность по отношению друг к другу характерны и для взаимоотношений отдельных отраслей процессу-

ального права: различно время их возникновения, условия развития, институты материального права, лежащие в их основе. Эти отрасли объединяет многое, но тем не менее речь может идти о сходстве, а не о единстве.

Различия между отраслями процессуального права объясняются, как правило, различиями в материальном праве, то есть тем, что гражданский процесс, носитель, как и всякий процесс, публично-правовой характер, связан с материальным гражданским правом, относимым к частному праву, а уголовный процесс — с материальным уголовным правом, относимым к отраслям публично-правового характера. Разграничение публичного и частного права имело известное значение в сфере материального права, но его воздействие, оказываемое на процессуальное право, нельзя преувеличивать.

В социалистическом праве этот фактор вообще теряет свое значение.

Часто утверждают, что различия гражданского и уголовного процессов обусловлены их характером. То же самое говорят и о третьей отрасли — административном процессе¹ (которому в социалистической литературе вообще не уделяется еще достаточно внимания).

Эти аргументы основательны, но не исключают и других как в пользу автономии процессуальных отраслей, так и против нее. Признавая автономию отраслей процессуального права, мы тем не менее задаем вопрос: не преувеличен ли факт неравномерного развития этих отраслей и не слишком ли мы отрываем их друг от друга? Такой подход может привести к тому, как это уже бывало в некоторых правовых системах, что принципы и институты одной отрасли процесса вовсе не учитываются или учитываются недостаточно в другой отрасли, то есть «абсолютная» независимость этих отраслей превышает объективно обоснованные границы.

В свое время в советской литературе выдвигалось предложение о создании единой отрасли «судебного

¹ См.: А. Е. Лунев, Административное право, М., 1967, стр. 190—191.

права»¹, но сегодня его можно считать отвергнутым. Советская литература нынешнего периода, как правило, говорит лишь о двух самостоятельных отраслях процессуального права. Кроме того, в качестве самостоятельной отрасли права выделяют судоустройство, определяющее организацию, задачи и принципы деятельности суда и тесно связанное с двумя отраслями процессуального права². Нам представляется, что как конструкция судебного права, так и нынешнее решение вопроса — это крайности, ибо ни то, ни другое не дает удовлетворительного, принципиального ответа на вопрос о единстве судебной организации и процесса на одном уровне, и их различии — на другом. Но это возможно лишь путем дифференциации этих уровней.

Рассматривая две отрасли процессуального права (уголовного и гражданского), мы обнаруживаем в них больше различий, чем следовало бы. В этом сыграла свою роль теория, настойчиво отграничивавшая их друг от друга. Конечно, в каждой из них с объективной необходимостью имеются различные институты, по-разному определяются стадии процесса и т. д. Все это объективные отличия. Таковыми, однако, нельзя считать, например, несколько искусственные различия, относящиеся к доказательствам, или же различия в построении системы обжалования. Задача должна состоять в том, чтобы эти не необходимые различия между отраслями процессуального права были уменьшены и были бы сохранены лишь социально обусловленные различия. Во многом это вопрос теории права.

5. В ПРОЦЕССЕ ЛИ ЗАКЛЮЧЕНА ОСОБЕННОСТЬ ПРАВА?

В юридической литературе встречается мнение, согласно которому в процессе заключена самая характерная черта права или, во всяком случае, он представляет собой наиболее развитую форму, часть или отрасль

¹ См.: А. Я. Вышинский, Вопросы теории государства и права, М., 1949, стр. 120; С. А. Голунский, М. С. Строгович, Теория государства и права, М., 1940, стр. 299—300; Д. С. Карев, Судоустройство, М., 1948, стр. 10—13.

² См.: «Теория государства и права», Ред. П. С. Ромашкин, М. С. Строгович, В. А. Туманов, М., 1962, стр. 515.

права. В самом элементарном виде обосновывается это тем, что именно процесс делает возможным реализацию права. Некоторые усматривают «юридический характер» права в том, что процесс — это самая развитая форма из всех видов общественной регламентации². Очевидно, безосновательно полагание, что процесс, а также и сам суд являются действительно самыми сложными и уточненными частями правовой надстройки³. Однако отсюда еще не следует, что именно они определяют право и правовое развитие.

Е. Пашуканис рассматривал процесс и суд как самую совершенную реализацию правовой формы. Суд, по его мнению, даже в самой примитивной его форме — это юридическая надстройка по преимуществу и именно через судебный процесс «юридическое абстрагируется от экономического и выступает как самостоятельный момент»⁴. Процесс и его орган — суд являются той *differentia speciei*, которая отличает право от других общественных явлений.

Это положение Пашуканиса звучит по крайней мере как преувеличение. Опыт показывает, что, хотя правовое развитие и сопровождается развитием процесса, все же сущность права или правового развития лежит в другой сфере. Безусловно и то, что в своей самой начальной стадии право возникает как процесс решения споров. Сомнительно, однако, что именно это, а не последующее формирование норм и принципов, выраженных затем в примитивной кодификации, явилось тем основным рубежом, с которого начинается собственно право как самостоятельная, обособленная, свое-

¹ По мнению Дернбурга, право на иск является самым существенным из правомочий (H. Dernburg, Lehrbuch des Preussischen Privatrechts und Privatrechtsnormen des Reichs, II, Halle, 1879, Band I, S. 260).

² Horváth B a g n a, Rechtssoziologie, Berlin-Grünwald, 1934, S. 268—269, 302.

³ В. И. Ленин на третьем Всероссийском съезде Советов в 1918 г. в своем докладе назвал буржуазный суд «слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатиремых...» (В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 35, стр. 270).

⁴ E. Pasukanis, Allgemeine Rechtslehre und Marxismus, Wien—Berlin, 1928, S. 69. (Е. Пашуканис, Общая теория права и марксизм, М., 1926, стр. 48.)

образная общественная форма¹. Преувеличение роли суда и процесса вытекает, с одной стороны, из некоторой переоценки явлений буржуазной системы, а с другой — из того, что причиной объявляют следствие, а именно социально обусловленное усложнение процесса, как и правовой регламентации в целом.

Процесс стал особенно усложненным в сфере буржуазного частного права, где сложность содержания материальных правоотношений привела к сложности споров, а следовательно, и методов их разрешения. Занятая буржуазным государством позиция «laissez-faire» находила свое отражение и в процессе в том смысле, что решение разнообразных конфликтов происходило в юридической форме, достаточной самой по себе. К этой основной причине, связанной с имущественными отношениями, примыкает и политическая причина, а именно использование сложности как фактора, неблагоприятного для эксплуатируемого класса (например, в трудовых спорах). Сложность процессуальной права была, таким образом, следствием сложности экономических и политических отношений в сочетании со сложным характером соответствующих отраслей материального права, которые в неадекватной форме отражали действительные отношения.

Резюмируя, можно сказать, что в буржуазной правовой системе сложность процесса лишь отражает те особенности общественных отношений, формой и следствием которых он является.

Из оспариваемого нами положения, будто бы процесс есть основное в праве, «главное» право, логически должно следовать, что в социалистической правовой системе как высшей ступени правового развития процессуальное право должно стать еще более детализованным и сложным, ибо иное означало бы стагнацию права.

Как известно, Пашуканис говорил о снижении роли права при социализме; тесно связав право вообще с товарными отношениями, отказ от буржуазного права

¹ В связи с этим см.: Н. Summer Maine, Ancient Law: its connection with the early history of society and its relation to modern ideas (Т. С. Мэн, Древнее право, Спб., 1873, стр. 6 и сл.)

он отождествлял с быстрым отмиранием права вообще¹. Из этого логически вытекает, что с развитием социалистического общества роль права должна уменьшаться, по крайней мере в юридико-техническом плане. А это было не только опровергнуто практикой, но и в принципе является неправильным.

Истина заключается в том, что в условиях социализма общественные отношения, выраженные в форме правоотношений, по сравнению с капиталистическим прошлым становятся принципиально иными; поэтому и социалистическое право становится новым по содержанию. Вместе с этим и вследствие этого, а также вследствие развития общественных отношений меняется характер противоречий, проявляющихся в этих отношениях, исчезают классовые противоречия, что само по себе в решающей степени уменьшает внутреннюю напряженность юридического процесса. Изменяются также способы и средства реализации права. Вывод, который следует из сказанного, заключается в том, что по сравнению с буржуазным правом развитие социалистического права, если говорить о его содержании, обусловливается в конечном счете новыми по типу общественными отношениями; вместе с тем, это развитие, как правило, не сопровождается усложнением процесса, ибо общественные отношения нового типа (и новое положение людей) ведут к принципиальному изменению характера возможных конфликтов, уменьшению их остроты, отсутствию противоречий, а также порождают новые социальные факторы, способствующие нормальной реализации права.

Означает ли это, будто бы в области процессуальных гарантий социалистическое право беднее буржуазного права? Сама такая постановка вопроса ошибочна. Можно ли о процессе с двумя кассационными инстанциями сказать, что он «богаче», гарантированное, чем процесс с одной кассационной инстанцией?

В ходе исторического развития сложились определенные основные демократические принципы процесса (принцип единого для всех правосудия, принцип гласности, публичности, самостоятельности, независимости судей, обеспечение возможности пересмотра и т. д.),

¹ См.: Пашуканис, цит. соч., стр. 22 и сл.

IV. СОЦИАЛЬНАЯ ПРИРОДА ПРАВА

1. ВЕРТИКАЛЬНЫЙ И ГОРИЗОНТАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ ПРАВА

Правоотношения собственности, гражданские правоотношения, процессуальные правоотношения — три уровня общественного бытия права. Они свидетельствуют, что право — это форма материальных и идеологических общественных отношений, которые иерархически могут быть расположены так: а) материальные отношения, б) идеологические отношения, лежащие вне права, и в) идеологические отношения, складывающиеся в рамках правовой системы. Можно сказать, что право — глобальная система всех этих отношений. Иначе говоря, право основывается прежде всего на материальных общественных отношениях, далее на неправовых идеологических отношениях и, наконец, на правовых идеологических общественных отношениях. В последнем случае речь идет об общественной обусловленности одной части права другой его частью; но обе эти части — материально-правовая и процессуально-правовая — в одинаковой мере покоятся более или менее опосредованно на материальных общественных отношениях, на которые право в свою очередь оказывает обратное воздействие, выступая в качестве их особой формы.

Такова вертикальная взаимосвязь между правом и иными общественными отношениями. Сущность этой взаимосвязи — определяющий характер одних отношений и обусловленность ими других отношений. При этом основным является решающий характер материальных общественных отношений и обратное воздействие на них обусловленных ими отношений, выражающее вторую сторону общественного движения. По своей сути это обратное воздействие не что иное, как выражение материальных общественных отношений, их закрепление и охрана при помощи социального принуждения. Эту специфическую связь характеризует такая

которые должны составлять основу любого современного процессуального права. А то, каким образом, насколько детально закреплены эти принципы в процессуальном праве в целом, не может быть меркой оценки. В какой мере эти основные принципы процесса реализуются, зависит, по существу, от общественных условий, от характера общественных отношений, обуславливающих и обеспечивающих в конечном счете эту реализацию. Различие между буржуазным и социалистическим строем определяет и различия процессов. Основные процессуальные гарантии непосредственно зависят от характера правовых отношений, обусловленных в конечном счете производственными и политическими отношениями.

диалектика прямых и обратных связей, в которой конечной, решающей движущей силой выступают материальные общественные отношения, а обусловленные ими идеологические общественные отношения оказывают обратное воздействие на экономическую основу. В определенных общественных условиях эти идеологические отношения и сами могут выступать на определенном историческом этапе как причина, оказывающая решающее воздействие. Однако если взять правовое развитие в целом, то в конечном счете в вертикальной иерархии идеологические отношения выступают как обусловливаемые, производные. Правовое развитие наглядно подтверждает общую закономерность социальных взаимосвязей, вскрытую марксизмом¹.

Переходя к вопросу о горизонтальных связях, следует отметить, что между отдельными видами идеологических общественных отношений может быть обнаружена причинная связь, которая характеризуется специфическим взаимодействием, не всегда улавливаемым с позиции формальной логики. Это взаимодействие специфично потому, что в его рамках правоотношения всегда остаются общественными формами иных общественных отношений. Вместе с тем в этой взаимосвязи правовые и неправовые идеологические отношения занимают «равное положение». Ее характер меняется в зависимости от того, воздействуют ли материальные отношения через иные идеологические общественные отношения на право или же, наоборот, право как бы используется ими для воздействия на

другие идеологические общественные отношения. Наконец, правовые и неправовые идеологические отношения (например, государственно-политические и правовые) могут действовать совместно в целях достижения определенного результата.

Как ни различны с точки зрения процесса их обусловливаемости отдельные части и институты права, существенным является единство и цельность его системы. Требование, предъявляемое к развитой правовой системе, заключается в том, как отмечал Энгельс, что право должно быть «внутренне согласованным» и не должно опровергать само себя «в силу внутренних противоречий»¹.

Требование этой внутренней логики означает, и это весьма важно, что право — это не только особое, но и единое общественное отношение, что в своей совокупности все правоотношения образуют единое социальное явление. Характерная его особенность заключается в том, что, будучи единым, право выражает различные по их «рангу» и удельному весу общественные отношения, взятые в одном и том же аспекте, в одной и той же юридической плоскости. Право, таким образом, выступает как единая, унифицированная форма различных общественных отношений. Подобно тому как солнечный свет состоит из различной длины волн и различных цветов спектра, так и право выражает особым образом совокупность различных «по ценности» общественных отношений.

Трудность познания сущности права как раз и состоит в этой своеобразной двойственности, ибо право, с одной стороны, — форма различных общественных отношений, а с другой — единая форма этих отношений. Различия во взгляде на право в значительной степени связаны с тем, какая из этих двух черт берется за исходный пункт, рассматривается как основная и тем самым гипертрофируется. Специфически правовой подход поступает так со второй из упомянутых выше черт, недооценивая различный характер отражаемых в праве общественных отношений². «Социологизм», наобо-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 418

² Такова, в частности, позитивистская позиция Г. Кельзена, который открывает право от иных социальных связей, ценностей и идей. И вообще, если проблема права, как утверждает Кель-

¹ Энгельс сформулировал в своих поздних письмах ряд положений, имеющих к этому непосредственное отношение. В них можно найти и высказывания, относящиеся к государству и праву. Так, о государственном строе как результате классовой борьбы и о правовых формах Энгельс говорит в письме к И. Влоху от 21—22 сентября 1890 г.; вопрос о праве и его относительной самостоятельности он затрагивает в письме к К. Шмидту от 27 октября 1890 г.; в письме к Ф. Мерингу от 14 июля 1893 г. Энгельс вновь раскрывает обусловливаемость в конечном счете государственного устройства и правовых систем, их «формальный» характер, а в письме к В. Боргиусу от 25 января 1894 г. возвращается к движущим силам политического, правового и т. д. развития, к взаимодействию между материальными отношениями и политическими, в том числе правовыми отношениями (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 394, 417—418; т. 39, стр. 82, 174—175).

чают две ступени надстройки, а именно норма права, закон, с одной стороны, и правовые идеи, правовая идеология — с другой¹. Стучка, таким образом, затрагивает проблему дифференциации права по уровням отношений, но делает это несколько упрощенно. Сохранение и форму права он разграничивает так, что первое, то есть экономические отношения, выраженные в праве, просто-напросто относит к базису, в то время как это содержание с необходимостью проясляется в надстроечной форме в качестве правоотношений.

2. МОДЕЛЬ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ И ПРАВОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Место права в системе общественных отношений, взаимосвязь правовых и иных общественных отношений нельзя изображать лишь статически, как это было сделано в предыдущих разделах. Для уяснения существа вопроса необходимо эту статику дополнить динамикой, которая характерна для связи права и иных общественных отношений.

Марксизм всегда подчеркивал социальную природу права. Социальная, общественная природа выражает все существо права, и в этом смысле, к стати говоря, весьма условно такое, например, выражение, как «социальная сторона права». У права нет несociальных сторон. Молодой Маркс говорил о человеке: «Индивид есть общественное существо. Поэтому всякое проявление его жизни — даже если оно и не выступает в непосредственной форме коллективного, совершаемого совместно с другими, проявления жизни, — является проявлением и утверждением общественной жизни»².

В «Тезисах о Фейербахе» Маркс писал, что сущность человека «в своей действительности .. есть совокупность всех общественных отношений»³. Право взаимосвязано с человеком, и не только потому, что правовые нормы говорят о поведении людей, адресованы к ним, но прежде всего потому, что в целом право —

¹ См. там же, стр. 124, 125.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Из ранних произведений, М., 1956, стр. 590.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 3.

рот, не склонен учитывать эту вторую черту — единство и самостоятельность правовой формы — и придает исключительное значение самим общественным отношениям.

Спор, который велся в советской юридической литературе в двадцатые годы между П. Стучкой и Е. Пашуканисом, в некотором отношении также отражал упомянутую выше двойственность.

Несколько упростив сложную проблему, можно сказать, что Пашуканис усиленно искал ту особенность, которая отличает право как общественное отношение от иных общественных отношений. Сравнивая право с материальными общественными отношениями, он рассматривал его исключительно как форму этих отношений и стремился раскрыть основные черты этой формы¹. Для него, таким образом, решающим было горизонтальное единство общественных отношений, охватенное правом, то есть тот общий элемент, который делает общественные отношения различного значения и ранга правом, правоотношениями.

В противоположность этому П. Стучка подчеркивал, что право — это система определенных материальных общественных отношений и особенно выделял роль (действительно весьма важную) экономических отношений. Создавалось впечатление, будто он недооценивает саму правовую форму. Стучка говорил, правда, о юридической форме, но в несколько проблематичном плане. По его мнению, каждое экономическое отношение, поскольку оно одновременно и правовое, имеет три формы: одну конкретную и две абстрактные². Конкретная совпадает с самим содержанием, тождественна экономическому отношению и относится к базису; экономическое отношение и право как бы сливаются, то есть право в этом отношении не форма, а содержание. Две абстрактные формы, по мнению Стучки, озна-

чен, — это проблема социальной техники, то и в этом случае вопреки кельзеновскому подходу оно не может быть «чистой», самостоятельной техникой, ибо возникает вопрос, в чьих руках находится эта социальная техника, — или, пользуясь терминологией Кельзена, специфической техникой какой социальной организации оно является?

¹ Е. Б. Пашуканис, цит. соч., стр. 35 и сл.

² П. И. Стучка, Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права, Рига, 1964, стр. 123.

это продукт общества. Субъективные права человека проявляются лишь в его отношениях с другими людьми, лишь в общественных связях, и только в этом плане имеют смысл¹. По своей сущности право — общественное явление, часть того, что мы называем обществом, появляющаяся на определенном этапе его исторического развития.

В обществе люди вступают между собой в определенные отношения, и совокупность этих отношений составляет жизнь, движение общества². Эти отношения в процессе сознательной жизни общества концентрируются в нормы. Рассматривать право и закон сами по себе, в отрыве от их общественных причин, от определяющих их факторов, от системы общественных отношений в целом, видеть в законе независимую «причину» общественных отношений тогда, как в действительности сами эти отношения вызвали закон к жизни, — все это, по выражению Маркса, «иллюзия юристов»³.

Поскольку общественные отношения принимают форму правовых отношений и закрепляются нормой права, в процессе познания появляется возможность в узком, смещенном плане подойти к этим отношениям и рассматривать их лишь как правоотношения, якобы созданные правовыми нормами. В действительности конкретные правоотношения всегда в конечном счете через больший или меньший ряд опосредствующих факторов являются выражением всего строя социальных отношений. Правовые нормы не что иное, как

¹ Дюги утверждал, что «...говорить о правах естественного, изолированного человека, отдельно взятого и обособленного от подобных ему индивидов, — *contradictio in adjecto*. В действительности всякое право предполагает отношение между двумя субъектами. Если представить себе полностью обособленного от подобных ему человека, то о правах не может быть речи. Робинзон также не имеет прав; возникнуть могут они у него лишь тогда, когда он вступит в связь с другими людьми. Итак, индивид может иметь права лишь постольку, поскольку он член общества и живет в нем; говорить о правах до общества — значит говорить ни о чем» (L. Du gu it, *Les transformations generales du droit privé depuis le Code Napoleon*, Paris, 1912, p. 18).

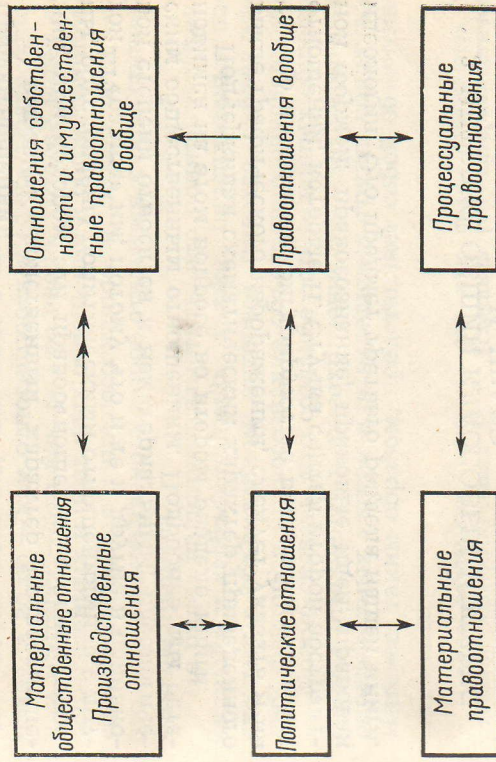
² «Право есть лишь официальное признание факта», — писал Маркс в «Ницше философии» (К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 4, стр. 115).

³ См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 64.

застывшая форма, выражающая общественные отношения в виде правоотношений. Вместе с тем норма права не просто детерминирована общественными отношениями. Она фиксирует их, как бы пропустив предварительно через сложившуюся, то есть закрепленную правом систему правоотношений. В результате правовая норма выступает как двойная форма, как форма генерализованных правоотношений, а через них — как форма иных общественных отношений.

Всю эту сложную систему общественных взаимосвязей можно постигнуть лишь при помощи диалектического понимания причинности, при таком понимании прямых и обратных связей, когда обусловленное само выступает и определяющим, прямая связь порождает и обратную.

Графическое изображение этой взаимосвязи выглядело бы следующим образом:

Это достаточно примитивное изображение сложного социального взаимодействия имеет целью:

а) отразить многоступенчатость общественных отношений, «иерархию их ценности», специфику их своеобразного кругового движения, в котором они выступают попеременно в качестве причины и следствия. При этом исходным пунктом являются материальные

общественные отношения, производственные отношения: на них основываются политические отношения, на них же покоятся в конечном счете правоотношения;

б) подчеркнуть единство производственных отношений и их юридического выражения — правоотношений собственности, а также то, что политические и правовые отношения находятся на одной и той же ступени, причем правовые отношения оказывают при этом обратное воздействие на производственные отношения через правоотношения собственности и вообще имущественные правоотношения;

в) отразить дуализм материальных и процессуальных отношений и в то же время их единство, их обусловленность друг другом и важную роль каждой из этих категорий (именно поэтому процессуальные правоотношения не размещаются ниже материальных правоотношений);

г) выразить двойственный характер правоотношений, при котором эти правоотношения, с одной стороны, обусловлены политическими отношениями, а с другой — «равны» им, потому что и те и другие в одинаковой степени относятся к нематериальным, идеологическим общественным отношениям. Подробнее мы остановимся на этом вопросе во втором разделе книги.

Подчеркивая схематический характер приведенного выше графического изображения, следует указать и на то, что в схеме не фигурируют те виды общественных отношений, которые П. Стучка считал второй абстрактной формой: правосознание, правовые идеи, правовая идеология. Это предмет третьего раздела нашей книги.

3. ИНТЕРЕС. ОБЩИЙ КЛАССОВЫЙ ИНТЕРЕС И ПРАВО

Определив правоотношения как форму иных общественных отношений, мы приблизились к правильному пониманию сущности права. Чтобы пойти еще дальше, необходимо раскрыть другие объективные факторы, способствующие наиболее непосредственному переводу общественных отношений в правоотношения. К такого

рода факторам следует отнести категорию общественного интереса. Под этой категорией мы понимаем все не то, что отдельные люди, группы людей и классы считают своим интересом (это интерес в субъективном смысле), а то, что удовлетворяет группы и классы людей, соответствует их общественным отношениям, в первую очередь экономическим отношениям и обусловленным ими потребностям. Другими словами, речь идет об интересе в объективном смысле, а не об отражении интереса в общественном сознании, который в конечном счете принимает характер воли¹. Представления об интересе и связанные с ними и вытекающие из них волевые элементы относятся уже к области общественного сознания.

Хотя между интересом и общественным сознанием, а также мотивированной волей и существует тесная связь, в принципе их следует различать, рассматривая интерес как явление, связанное с социальной природой права, а волю — как относящуюся к сфере правосознания. Интерес — это как раз то звено, которое ведет от общественных и правовых отношений к общественному сознанию вообще и правосознанию в особенности, но это еще и такое звено, которое относится к объективной стороне процесса.

Не будет излишним заметить, что понятия «объективный» и «субъективный» также переплетены, поскольку в объективном интересе имеется субъективный фактор, а правосознание объективно обусловлено.

Можно сказать, что создание определенных общественных отношений и их сохранение отвечает интересам определенных частей или отдельных групп общества. Интерес, таким образом, представляет собой объектив-

¹ «Раз возникнув, интересы так или иначе отражаются в сознании людей», — писал Г. В. Плеханов («О материалистическом понимании истории». Избранные философские произведения, М., 1956, т. 2, стр. 260). «Интерес в объективном смысле» знает и буржуазная юридическая наука, хотя, разумеется, в ином, достаточно абстрактном его истолковании (см., например, Ph. Heck, Begriffsbildung und Interessenjurisprudenz, Tübingen, 1932, S. 37).

Г. Еллинек интересу придает субъективный смысл: интерес — это то, что служит человеческим целям в субъективном понимании (оценке) (G. Georg Jellinek, System der subjektiven öffentlichen Rechte, S. 43).

ное выражение существующих или создаваемых общественных отношений. Он соединяет в одном понятии позицию человеческих групп и общественные отношения. Реализация или защита интересов требует создания новых, особых общественных отношений, примыкающих к уже существующим, или еще складывающихся. Эти новые отношения вытекают из уже имеющихся; они обслуживают их и содействуют их сохранению. Формами этих существующих или складывающихся общественных отношений служат правоотношения. Общественный интерес, будучи в некотором смысле выражением какого-то общественного отношения, выступает в конечном счете в виде опосредствующего звена между различными общественными отношениями, являясь устойчивым мотивом преобразования и развития определенных общественных отношений (а именно правоотношений).

Интерес, взятый не только сам по себе, но и в правовом аспекте, слишком общее и абстрактное понятие для того, чтобы сразу стало ясным его общественное содержание. Оно проявляется в виде парных противоречий: частный интерес как антитеза публичного, индивидуальный — общественного, общий интерес — классовых интересов. С определенной теоретической точки зрения эти интересы составляют единство, поскольку все они в конечном счете социальные, подобно тому как бытие человека как общественного существа включает в себя и его индивидуальное существование.

В процессе закрепления интересов правом мы встречаемся с довольно сложной генерализацией интересов. Например, в капиталистическом обществе частный интерес частного собственника, который наиболее непосредственно выражен в жизни общества генерализуется, выступает как нечто среднее от суммы индивидуальных интересов и в таком виде именуется «публичным интересом». В действительности это интерес эгоистического индивида, но, поскольку это общий интерес частных собственников, он и принимает форму всеобщего интереса, приобретает, как таковой, известную самостоятельность и даже может вступать в противоречие с частными интересами, определенным образом лимитируя их. В действительности же этот «всеобщий интерес» является таковым лишь постольку, по-

скольку он общий для определенного класса или социального слоя. Другое дело, что «всякий новый класс, который ставит себя на место класса, господствовавшего до него, уже для достижения своей цели вынужден представить свой интерес как общий интерес всех членов общества»¹.

Противостоящие классы общества характеризуются противостоящими общими, то есть классовыми, интересами. Они толкают классы на то, чтобы сохранить либо уничтожить тот или иной общественный строй, обусловивший в конечном счете эти интересы. Общественное сознание обычно неполно, неадекватно отражает такие интересы, которые в этом сознании выступают уже как субъективный момент.

Борьба интересов — лишь одно из проявлений борьбы враждебных классов; в этой борьбе класс-победитель, используя политическую власть, закрепляет свои интересы, охраняет их и обеспечивает их реализацию. Если отношения права собственности в определенных исторических условиях по необходимости складываются, осуществляются и прекращаются как правоотношения, то форма, в какой все это осуществляется, зависит от господствующего класса, приспособлена к общим интересам этого класса, соответствует им, закреплена правом. Достигается это при помощи государственной власти, являющейся властью экономически господствующего класса; эта власть, государство, и есть то, что выражает в виде правоотношений посредством политического принуждения общие интересы господствующего класса, служит их реализации и охране.

При таком подходе право — это общественная форма социальных отношений, возникающая на основе классовых интересов, точнее, интересов господствующего класса, выраженных государственной властью. Помимо общего классового интереса и реализующей его государственной власти, сюда должен подключиться еще один фактор, а именно общая воля господствующего класса, направленная на закрепление и реализацию этого общего интереса. Эта общая воля, возникающая в общественном сознании, может рассматриваться как субъективный элемент, выражающий объективные интересы через посредство государства.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 47.

Таким образом, право как система, выражающая определенные общественные отношения и выступающая в качестве их формы, преломляясь через господствующие производственные и классовые отношения, соответствует интересам господствующего класса. Оно достигает этого при помощи государственной власти, совместно с ней, в соответствии с общей волей господствующего класса. Итак, мы снова приходим к вопросам, от правильного ответа на которые зависит более глубокое понимание социальной природы права, а именно того, какова роль государства в установлении и реализации правовых форм, какова в этом плане функция правосознания (эти вопросы рассматриваются соответственно во второй и третьей части работы).

4. ДВОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР ОБЩЕСТВЕННОГО ОБЫЧАЯ. ОБЫЧНОЕ ПРАВО

Источник права, или же та форма, в которой правоотношение находит свое абстрактное выражение, то есть юридическое правило поведения, — это также общественный продукт, имеющий свое относительно самостоятельное историческое развитие. «Рациональная» форма источника права — закон, или, точнее, норма, — взаимосвязана с государством, с политической властью, как, впрочем, и право вообще. Но в процессе создания общих правил поведения немалую роль сыграли и иные общественные факторы, в особенности обычай. Эту роль можно назвать исторической правотворческой. В современном праве социальные возможности обычая расширяются, в то время как значение его как источника права в техническом смысле уменьшается.

Если взять обычай во всех его социальных аспектах, то его юридическое значение не сводится к его роли источника права. Связи социального обычая с правом многогранны. Прежде всего обычай можно рассматривать как общественную силу, способствующую формированию правоотношений, а затем и юридических правил поведения. Наряду с этим в обычае видят своеобразную форму выражения юридических правил поведения, которая отличается от закона и нормативного акта вообще; речь идет о так называемом обычном пра-

ве. Наконец, обычай может означать социальную силу, с помощью которой то или иное правило поведения становится общественной практикой, чем-то привычным и повседневно соблюдаемым. К сказанному можно добавить, что совокупность всех обычаев справедливо считают системой, стоящей близко к праву, но менее совершенной, зрелой и важной в сравнении с ним. Учитывая все эти разнообразие аспекты, следует считать весьма узкой точку зрения, которая ограничивается в данной связи лишь констатацией дуализма писаного и обычного права.

Маркс еще в 1842 г. в своей третьей статье, опубликованной в «Rheinische Zeitung» в связи с дебатами шестого рейнского ландтага по поводу закона о краже леса, обратился к этому вопросу, подходя к нему с более широкой, чем чисто юридической, точки зрения. Маркс говорит об обычае в двух планах. Во-первых, он рассматривает его, так сказать, в историческом плане, анализируя процесс, в результате которого обычай становится «государственным обычаем», то есть законом, и, следовательно, различая стадию, когда обычай еще не достигает формы закона. Во-вторых, он различает право вообще и позитивное право, то есть право как общественную потребность и право как действующий закон. В этой связи Маркс рассматривает закон как форму обычного права: «При господстве всеобщих законов разумное обычное право есть не что иное, как *обычай установленного законом права*, ибо право не перестает быть обычаем оттого, что конституировалось как закон, — оно перестало быть *только* обычаем». Как обособленная область обычное право разумно там, где оно существует «*наряду с законом и кроме него*». Однако это совместное бытие закона и обычая не исключает и исторической связи между ними, в свете которой обычай в конечном счете есть не что иное, как «*предвещание* установленному законом права»¹.

В этот период молодой Маркс, разделяя гегелевскую идею «разумного права», вкладывает в нее новое социальное-политическое содержание. Как обычное право, так и позитивный закон должны, по мысли Маркса, исходить из «разумного права». С этих позиций лишь обычай бедных, подчеркивает Маркс, соответствуют

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 127

идею права, тогда как так называемые обычаи привилегированных противоречат праву. Дело в том, что в позитивном законодательстве, продиктованном частным интересом, уже признаны не только разумные, но часто даже и неразумные притязания привилегированных сословий. Разумные же права бедноты не нашли отражения в действующем законодательстве. В этой обстановке молодой Маркс в интересах бедной, политически и социальное обездоленной массы обосновывал разумность лишь обычного права бедноты. «Мы требуем, — писал он на страницах «Rheinische Zeitung», — для бедноты *обычного права*, и притом не такого обычного права, которое ограничено данной местностью, а такого, которое присуще бедноте во всех странах. Мы идем еще дальше и утверждаем, что обычное право по своей природе может быть только правом этой самой низшей, обездоленной, неорганизованной массы»¹.

Хотя Маркс в рассматриваемый период еще не стоит на историко-материалистических позициях, однако уже в это время он исходит из противоположности интересов бедноты и привилегированных сословий и отстаивает «правовое стремление» неимущих². Не ограничиваясь констатацией существующего положения дел, молодой Маркс использует гегелевскую идею «разумного права» для критики как обычаев привилегированных, так и позитивного законодательства, исходящего из интересов собственников и игнорирующего права неимущих. Теоретический аспект анализа Маркса (соотношение «разумного права», обычая и позитивного законодательства) тесно сочетается с социально-политическим аспектом (защита правовых интересов бедноты).

В юридической литературе, как правило, обходят вниманием социологические аспекты обычая и обычного права, связывая их по преимуществу с проблемой источников права. При этом подходе в историческом плане обычай занимает в иерархии источников права место между единичными решениями и законом³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 125.

² См. там же, стр. 129.

³ См.: Мэн, Древнее право, стр. 6 и сл. В качестве «сырья права», первого вида права, рассматривает обычай в праве Аллен: К. Аллен, Law in the making, Oxford University, 1961, p. 62.

В процессе исторического развития обычного права, как один из источников права, в прошлом столетии вследствие проводившихся кодификаций было отодвинуто на задний план. Оно рассматривалось как исторически устаревшая и менее развитая по сравнению с законом форма. Глубокие общественные изменения, происшедшие на рубеже XX века, не привели, правда, господствующий класс буржуазии к принципиальному отказу от кодексов, но наряду с ними и законами обычное право вновь обрело значение дополнительного и даже равнозначного источника права¹. Этот поворот позволил противопоставить единичное и случайное всеобщности закона, что, естественно, связывало руки судье в процессе применения права. Это оправдывали ссылкой на то, что источники права, а вместе с ними и право в целом становятся, таким образом, более «гибкими». Но подобная «гибкость» (отрабившая изменение господствующих интересов) создала существенную угрозу законности и правовой безопасности.

Как уже отмечалось, проблема обычая выходит за юридические рамки, но именно его правовые аспекты, перерастание его в обычное право интересуют прежде всего теорию права. При этом наиболее правильным, во всяком случае с социологической точки зрения, представляется такой подход, который не противоопоставляет законодательство и обычное право, а стремится, скорее, объединить их, установить между ними какую-то позитивную, хотя и не беспредельную связь. Обычай может существенно способствовать реализации закона, как, впрочем, и мешать ей.

Нас интересует сейчас не место обычая или обычного права в системе источников права, а общая социальная функция обычая в отношении права. Речь идет о процессе становления права. Пока мы ограничимся тем, что отметим в этой связи важное значение обычая. В некоторых случаях позитивное право может быть результатом эволюции социального обычая, то есть его можно рассматривать как качественное преобразование обычая, который выступает, таким образом, как своеобразный прототворческий фактор. Наряду с

¹ В отношении французского, немецкого и швейцарского права см.: Ch. Szladits, Guide to Foreign Legal Materials — French — German — Swiss, New York, 1959.

этим обычаем предстает в качестве такого социального фактора, который способствует реализации права в общественной практике; достигается это тем, что отдельные нормы права как бы превращаются в повседневные строго соблюдаемые обычаи. Это две важнейшие стороны социального обычая в его взаимодействии с правом¹.

Впрочем, следует отметить, что применительно к обычному праву эти две стороны социального обычая не выглядят равнозначными. В данной связи обычай как фактор реализации права менее значим, чем обычай как фактор становления, формирования позитивного права.

5. «ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ ПРАВИЛА ОБЩЕЖИТИЯ»

В определенном аспекте проблему обычая в связи с дальнейшей эволюцией права затронул и В. И. Ленин в работе «Государство и революция». Исследуя условия отмирания в будущем государства и демократии как его формы, В. И. Ленин говорил об элементарных, веками известных, тысячекратно повторяющихся во всех прописях, тысячекратно повторяющихся в другом месте этой же работы говорится об «элементарных условиях общественной жизни», основных «правилах общежития»³.

Говоря об этих простых, основных, веками известных и повторяющихся правилах поведения, В. И. Ленин явно рассматривал их как элементы действующих правовых систем, которые вошли в них в процессе тысячекратного повторения, а не как правила поведения, существующие вне или наряду с правовой системой. В формировании этих правил поведения обычай

¹ Макс Вебер обращал внимание на то, что «признанный обычай» через так называемое «конвенциональное соглашение» ведет к праву, но видел и другую сторону, то есть то, что и право может стать обычаем (Max Weber, *Wirtschaft und Gesellschaft*, Tübingen, 1956, S. 187, 194). В правовой науке эти два аспекта назвали и свое терминологическое выражение. Так, Леви-Брюль различает «coutume» и «habitude», а Аллен — «custom» и «habit» (см.: Lévy-Bruhl, *Aspects sociologiques du droit*, p. 74; Allen, *Law in the Making*, p. 64).

² См.: В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 89.

³ Там же, стр. 83, 91.

играл важную роль, и благодаря ему они в конечном счете стали правом. Когда же эти правила приобрели правовую форму, гарантией их осуществления стало политическое принуждение. Это вытекает из ленинской формулы о том, что, избавившись от бесчисленных ужасов капиталистической эксплуатации, люди «постепенно *привыкнут*» к добровольному соблюдению таких элементарных правил, «без насилия, без принуждения, без подчинения, без особого аппарата для принуждения, который называется государством»¹.

Итак, элементарные правила общежития формируются обычаем. Под его действием они интегрируются в правовые системы. При соответствующих общественных условиях они могут соблюдаться в силу одной лишь привычки.

В конкретной связи В. И. Ленина интересова не столько проблема возникновения некоторых норм права при помощи обычая, сколько проблема «привычки» как такой общественной силы, благодаря которой в соответствующих общественных условиях становится ненужной юридическая обязательность правил поведения, поскольку на место внешнего (политического) принуждения приходит их добровольное соблюдение. Эта привычка первоначально может еще не совпадать с внутренним убеждением, заключающим в себе познание и признание правильности этих норм. Механизм соблюдения нормы в силу обычая не тождествен следованию правилам, вытекающему из внутреннего убеждения, хотя между ними существует тесная связь (первое способствует второму). Ставшее обычаем соблюдение простых правил (а здесь везде речь идет об элементарных правилах) помогает возникновению таких общественных отношений, при которых излишним становится особая организация, осуществляющая принуждение, — государство. С помощью обычая — при наличии соответствующих новых общественных условий — некоторые обязательные правила поведения переходят в другое качество: они перестают быть нормами права и становятся социальными нормами, соблюдаемыми без принуждения, в силу привычки.

Таким образом, в классовом обществе обычай может

¹ В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 33, стр. 89.

связаны с определенной общественной системой и вне ее не существуют. Однако и те и другие в конкретной правовой системе существуют как единство, которое есть важная, существенная черта права. Это единство права обусловлено внутренней логикой данного социального строя. Оно выражено и гарантировано государством.

На основании того, что определенные элементы правовой системы, в частности отдельные группы юридических правил поведения, свойственны ряду общественных систем, нередко делают вывод о независимости этих правил от конкретной общественной системы и государственной власти. Их склонны трактовать как естественное право, вследствие чего они становятся как бы независимыми от государства и приобретают вид метафизических, предустановленных правил. Впрочем, такая конструкция характерна для всех естественно-правовых концепций. В действительности же эти правила ничто без той социальной среды, в которой они существуют, действуют, реализуются. Вне такой социальной среды они превратились бы в абстрактно-бесодержательные правила, формы без содержания. Социальная природа права обуславливает то, что правила поведения, даже взятые как технический прием, не могут быть оторваны от определяющих их общественных отношений, не могут потерять социальную окраску.

Следует еще раз подчеркнуть и то, что «элементарные правила» — это лишь частица права. При их возникновении, как мы видим, определенную роль играет обычай, но условия эксплуататорского общества препятствуют их непосредственной реализации без вмешательства государства. Однако в иных социальных условиях государственное принуждение становится излишним и соответствующие нормы теряют свое юридическое качество.

6. ТАК НАЗЫВАЕМЫЕ ПОСТОЯННЫЕ НОРМЫ

Мы уже проследили линию развития: общественное отношение — правоотношение — норма права — правоотношение как отражение этой нормы. В этом движении,

выступать как правосозидающий фактор, но вместе с тем правила поведения, складывающиеся путем обывая (в том числе и упомянутые В. И. Лениным элементарные правила), должны в конечном счете развиваться в право, поскольку самой по себе привычки, хотя она и играла роль в возникновении обычая, в силу условий эксплуататорского общества для реализации этих правил недостаточно и им должна сопутствовать государственная принудительная сила. В свою очередь из сказанного следует, что в содержание права входят и такие правила поведения, которые необходимы для всякого общежития и которые известны уже тысячелетиями.

Однако тот факт, что имеются группы норм, которые действуют в разных общественно-исторических типах права, еще не означает, будто бы существует такая часть права, которая не имеет классового характера или является «общеклассовой»¹.

Прежде всего для того, чтобы правила поведения стали правом, действовали в качестве юридических правил, необходимо организованное принуждение, то есть государство, а оно по своей сущности всегда связано с классами, носит классовый характер. Но не только этим определяется классовая природа всех составных компонентов права. В данной связи существенно также и то, что эти «постоянные правила» действуют не изолированно, а включаются каждый раз в определенную систему обязательных правил поведения и действуют в связи с ней и внутри ее. И это повторяется каждый раз в новом социальном типе права, в результате чего внешне одинаковые «постоянные нормы» выступают в разном социальном контексте. Небезразлично, наконец, и то, что сами эти элементарные правила также развиваются. Имеются такие модели юридически значимого поведения, которые повторяются в разных общественных системах; другие модели, наоборот, неразрывно

¹ Между прочим, эта точка зрения была свойственна и представителям венгерской позитивистской философии права и нашла отражение как в теории Пиклера (Pikler Gyula, A jog keletkezéséről és fejlődéséről, Budapest, 1871, p. 190 — 191), так и в примитивной, имеющей социологический оттенок концепции Сомло (Somló Bódog, Jogbölcséleti előadása, Kolozsvár, 1906, p. 42—43).

точнее, в этой ротации правовые нормы могут характеризоваться различной степенью вариабильности и повторяемости. «Элементарные правила», о которых речь шла выше, постоянны, что зависит, очевидно, от их меньшей социальной значимости с точки зрения господствующих классов.

Чем менее значима норма, тем постояннее ее форма. И наоборот, наиболее существенные по своему социальному значению нормы гораздо подвижнее и изменчивее, причем, как правило, каждая общественная система создает собственные нормы данного плана. Между этими двумя крайностями можно обнаружить довольно широкую переходную группу норм. Есть много факторов, обуславливающих сравнительно большую стабильность первой группы норм: сюда относятся и факторы политического характера, и простое заимствование или спонтанная преэмственность. Попробуем дать принципиальное, хотя и не решающее всех проблем, объяснение тождественности законодательных текстов в различных общественных системах.

Характерный пример такой ситуации дает сравнение римского частного права и буржуазного частного права. Может быть обнаружено также сходство некоторых норм буржуазного и социалистического права. Причину этого следует искать в определенной связи права и принципа равенства. Римское частное право отражало равенство товарладельцев, то есть означало равенство только для одной части населения и только в одном отношении. Рецепция римского права на заре капитализма утверждала в несколько обновленном виде право частной собственности, а также принцип равенства, но формального. Как известно, французский Гражданский кодекс впервые применил старое римское право к новым капиталистическим отношениям. Это доказательство того, что римские имущественные отношения и отношения капиталистического общества по своему характеру объективно достаточно близки.

Что касается сходства некоторых норм буржуазного и социалистического права, то оно объясняется иными причинами. И здесь исходным пунктом служит внешнее равенство, та специфика права, что в принципе оно является равным масштабом неравных отношений. Принцип равноправия сложился в буржуазном общест-

ве, но оно оставалось здесь чисто «юридическим», формальным равенством, ибо фактическое равенство в буржуазном обществе невозможно ввиду имущественного различия, основывающегося на частной собственности на средства производства; капиталистическая система основана на том неравенстве, которое скрывается за формально-юридическим равенством.

Основная цель социалистического общества — переход от формального равенства к фактическому, создание единства формального и фактического равенства. Многие нормы социалистического права, отражая конкретно-исторические условия и достигнутый уровень развития, говорят о равноправии, еще не перешедшем в фактическое равенство, хотя в целом правовая система при социализме действует именно в этом направлении. В своей работе «Критика Готской программы» Маркс описывает процесс развития коммунистического общества, в результате которого формальное юридическое равенство в области распределения перейдет в фактическое равенство, что позволит преодолеть узкий горизонт буржуазного права¹ и приведет в конечном счете к отрицанию самого права. Об этом речь пойдет в другом месте.

Нормы права, выступая в качестве образцов или моделей должного поведения, могут в юридико-техническом отношении приобрести известную самостоятельность по отношению к содержанию. Это еще один аспект понятия формы.

Гегель говорил об удвоении формы: «Во-первых, она, как рефлектированная внутрь себя, есть содержание; во-вторых, она, как рефлектированная внутрь себя, есть внешнее, различное для содержания и содержания»². «Первичная» форма — существование и содержание (форма содержания); «вторичная» форма является внешней и безразличной. Так, для «Илиады», иллюстрирует свою мысль Гегель, существование «поэтическая форма, в которой выражено содержание»; но для этого содержания «безразлично, написана ли она или напечатана, перецелтена ли она в папку или в сафьян»³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 20.

² Гегель, Соч., т. 1, Энциклопедия философских наук. Часть первая. Логика. М.—Л., Госиздат, 1929, стр. 224.

³ См. там же, стр. 224, 225.

Последнее относится к внешней, безразличной, «вторичной» форме.

С определенной точки зрения и текст нормы права по отношению к содержанию также может выступать как внешняя форма. Эта «внешняя форма» может быть использована в различных системах права, что не должно служить основанием для оценки нормы права с точки зрения ее социального существа. Именно эта «вторичная» внешняя форма в праве кажется наиболее постоянной, то есть лишенной социального значения.

В различных системах права может повторяться не только внешняя форма, но и само правило поведения, то есть «форма определенного содержания». Дело в том, что и эта форма может скрывать за собой достаточно различные социальные содержание. Таковы, например, некоторые нормы гражданского права. Речь в данной связи может идти лишь об относительном сходстве, ибо норма, а точнее, ее форма вырвана из контекста данной отрасли права, правовой системы в целом и, наконец, общественного строя.

Нельзя представлять дело таким образом, будто, сменяя исторически одна другую, каждая последующая правовая система состоит из заимствованных у предыдущей норм. Новые социальные отношения порождают и новые нормы, и это особенно характерно для социалистического права. Важна при этом и роль правовой науки. Вместе с тем социалистическое право использует и старые, выработанные в ходе исторического развития формы, наполняя их новым содержанием и тем самым определенным образом трансформируя их. В техническом отношении также происходит процесс изменения и совершенствования этих традиционных форм; они дополняются новыми элементами (санкциями, условиями их применения и т. д.). Это своеобразное «саморазвитие» правовых форм, но его нельзя отрывать от основного пути развития общества и права.

7. ЗАВИСИМОСТЬ ПРАВООТНОШЕНИЙ ОТ ХАРАКТЕРА ОБЩЕСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Сами нормы права и общественные отношения, выражением которых они являются, следует рассматривать лишь во взаимосвязи со всей системой норм и

общественных отношений, в которую они входят. Иначе нельзя получить правильного представления ни о норме, ни о самом отношении.

Принципиальное различие между социалистическим и буржуазным правом зависит поэтому и от различной сущности обуславливающих право и отражаемых в праве общественных отношений, и от различия их взаимосвязей друг с другом в рамках системы. Даже в том случае, когда правовые нормы, как абстрактное выражение правовых отношений, обладают кажущимся сходством, по своему социальному существу они диаметрально противоположны друг другу. При сравнении буржуазного и социалистического права это обнаруживается на уровне теории права при любом внешнем сходстве.

Буржуазные концепции, как правило, сводят понятие права к юридическим явлениям в узком смысле, концентрируя внимание на «безличных» формах, структурной и семантической стороне норм. Они ищут внешнее сходство отдельных норм, вырывая их из социального контекста.

Социалистическая теория стремится выйти за юридическую форму, чтобы показать скрывающееся за ней социальное содержание; саму эту форму она берет в развитии, правовую систему анализирует прежде всего с учетом ее социальной природы.

Буржуазная правовая наука как бы абстрагируется от социального различия внешне сходных правовых явлений. Социалистическая правовая наука обращает внимание прежде всего на них.

Буржуазная правовая наука отрывает форму от содержания, в то время как социалистическая правовая наука исследует форму в единстве с содержанием. Для марксистской теории права правовая система не простая совокупность более или менее безразличных с общественной точки зрения отношений, а единая, хотя и дифференцированная социальная материя.

Рассматривая сказанное выше в свете классового понимания права, следует отметить, что те общественные отношения, выраженные в праве, которые кажутся менее подверженными влиянию классовой борьбы, в действительности представляются таковыми лишь постольку, поскольку их берут изолированно, а не как

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Право и государство

составные элементы системы общественных отношений, в существовании и бесперывном действии которой все имеет свое определенное значение, в том числе и такие отношения, которые, казалось бы, не находятся в непосредственной связи с классовой борьбой.

Эти правоотношения также играют определенную роль в сохранении и реализации данной общественной системы в целом, системы господствующих классовых отношений.

Для двух различных подходов весьма характерно и то, какая роль отводится государству, признается ли его принципиальная связь с правом, его роль посредника между обществом и правом.

Государство есть тот социальный организм, который «преобразует» господствующие общественные отношения в правовые, выражая их в форме абстрактных правовых норм. Вместе с тем государство участвует в социальной реализации этих норм, следит за тем, чтобы движение общественных отношений соответствовало праву. Государство — это основной элемент политической власти и ее специфическая форма, являющаяся продуктом общественных отношений. Оно отражает характер господствующих экономических, прежде всего производственных, отношений и одновременно стоит на страже этих отношений.

Таким образом, говоря о сущности права, мы закономерно подошли к вопросу о том, какова связь государства и права. Для полного понимания социальной сущности права необходимо детально проанализировать то единство — возможно, относительное единство, — которое объединяет право и государство; необходимо рассмотреть, каким образом право включается в государство и государство — в право; каковы особенности этого процесса в эксплуататорском и социалистическом обществах.

I. ПРАВОВОТВОРЧЕСТВО

1. ГОСУДАРСТВО КАК ПРЕДМЕТ ТЕОРИИ ПРАВА

Связь и единство права и государства не означают их тождества и такого слияния, которое сделало бы невозможным их разграничение внутри этого единства. Поэтому неверно полагать, что теория права не может существовать вне рамок теории государства и что из этих двух социальных явлений ни одно не может стать объектом обособленного рассмотрения. Вместе с тем важно подчеркнуть, что право нельзя понять вне его взаимосвязи с государством, точно так же как анализ государства требует изучения его правовых аспектов.

Единство и дифференциация теории государства и теории права—это отражение единства и различия самих государства и права. На определенном уровне они обязательно едины, что означает и единство теории государства и права. К этому единству ведут два пути. Исходный пункт первого пути—это теория общества, отталкиваясь от которой дедукция останавливается на том уровне, где теория государства и теория права еще не могут быть отдифференцированы друг от друга. На втором пути, наоборот, раздельный анализ государства и права как автономных объектов приводит к единой теории государства и права. Но можно представить такое условное теоретическое разделение, которое ограничит относительную самостоятельность этих двух объективных явлений, и тогда возможна как теория, занимающаяся прежде всего правом, так и теория, посвященная преимущественно государству. В этом последнем случае право, очевидно, также окажется включенным в предмет теории государства, но лишь в определенной мере: теория государства не может заниматься, например, рассмотрением связи материальных и процессуальных правоотношений и других аналогичных собственно юридических проблем. И на-

2. ПРАВООТВОРЧЕСТВО И РАВНОПРАВИЕ

Правотворческая деятельность государства — это отражение экономических и иных общественных отношений в виде общих норм особого социального характера, то есть юридических норм. Таким образом, государство оформляет эти отношения как правовые отношения, способствует их возникновению в этой форме. Понятие «отражение» должно выразить то отношение, которое существует, с одной стороны, между экономическими и иными общественными отношениями, а с другой — между правовыми отношениями и их как бы застывшими формами — правовыми нормами. Это понятие указывает на важнейшую взаимосвязь — на общественную обусловленность правовых норм, на первичность экономических и некоторых иных общественных отношений по сравнению с правовыми формами; об обратном влиянии последних речь пойдет дальше.

Взятую в этом плане правовую деятельность государства можно назвать трансформирующей деятельностью: экономические и иные общественные отношения она преобразует в общие правовые отношения, которые затем фиксируются в правовых нормах, для того чтобы вновь воздействовать на социальные отношения, превращая их в правовые.

Таким образом, правовые нормы — это форма социального проявления общественных отношений, которые и составляют содержание этих норм. Если выше мы рассматривали правоотношения как формы иных общественных отношений, то, развивая эту мысль, мы можем говорить и о правовых нормах как о форме выражения правовых отношений.

Правотворчество является одной из существенных сторон деятельности любого государства. Именно в результате этой правотворческой деятельности нормы права приобретают наиболее общий, генерализованный характер. Вместе с тем этот общий характер правовой нормы представляет собой итог длительного исторического развития, которое было одновременно и социальным и правовым. Социальную сторону этого развития Энгельс описал следующим образом: «На известной, весьма ранней ступени развития общества возникает потребность охватить общим правилом повторяющиеся

оборот, государство также входит в предмет теории права, хотя ясно, что теория права не может занимать большую часть вопросов теории государства, таких, например, как форма государства, система государственных органов и т. д.

Без этого относительного интегрирования, без включения некоторых проблем права в теорию государства и некоторых проблем государства в теорию права, нельзя представить ни теорию государства, ни теорию права; единство этих двух общественных явлений делает неизбежным такое переплетение даже при их раздельном рассмотрении. Но это, повторяем, не означает, будто бы теория государства в узком смысле может исчерпать теоретические вопросы права, и наоборот — собственно теория права может претендовать на полный охват проблематики государства.

Благодаря единству теории государства и права даже тогда, когда мы исходим из относительной самостоятельности теории государства и теории права, в эту последнюю обязательно включается деятельность государства, связанная с правом, без чего теория права просто немыслима. Речь идет о формах и методах правовой деятельности государства. Хотя это и важная сторона понятия государства, тем не менее нельзя утверждать, что к ней целиком и полностью сводится сущность государства. Как известно, именно такой точки зрения придерживаются сторонники доктрины «правового государства». К этому вопросу мы еще вернемся в дальнейшем.

В отношении права деятельность государства, по нашему мнению, охватывает три основные области, каждая из которых имеет свой особый характер. Расслаиваются они на неодинаковом уровне всеобщности, требуют различной государственной работы, находятся в различном отношении друг к другу. Речь идет о 1) правотворчестве; 2) применении права (в обоих этих случаях государственная деятельность носит непосредственный характер); 3) соблюдении права (государство в каждом случае не вмешивается в этот процесс, но в целом направляет его, руководит им, контролирует его). Это три стороны государственной деятельности — обязательная часть предмета теории права, что облегчает понимание сущности самого права.

изо дня в день акты производства, распределения и обмена продуктов и позаботиться о том, чтобы отдельный человек подчинился общим условиям производства и обмена. Это правило, вначале выражающееся в обычае, становится затем *законом*. Вместе с законом необходимо возникают и органы, которым поручается его соблюдение, — публичная власть, государство¹. Этот процесс можно назвать предьсторией права; в его ходе охватываемые правом явления попадали в орбиту государства и становились «правом государства», то есть правом в собственном смысле этого слова. По известной формуле Мэна правовое развитие идет от «казуса» через «правовой обычай» к кодексам. Но ранние кодексы, возникновение которых Мэн связывает с появлением письменности, именуют мало общего с современным законодательством, равно как и с иными формами права в современном смысле².

Если мы хотим правильно понять процесс возникновения права, то в ходе правового развития, по нашему мнению, следует различать два этапа, а именно предьсторию права и его историю. Теоретическая путаница в вопросе происхождения права нередко связана со смешением этих двух этапов. Что общего между ними и в чем их различие? Общим является то, что для регулирования общественной жизни — если только можно применить это понятие к очень ранней стадии развития — и там и здесь использовались или по крайней мере пытались использовать одинаковую форму: социальные нормы. Однако за этим внешним сходством скрываются весьма существенные социальные различия. Первый этап — это предьстория права не только в силу неразвитости общества и нормативного материала, а прежде всего потому, что из-за этой неразвитости общества государство не играло еще никакой роли, во всяком случае решающей и определяющей³.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 272.

² См.: Мэн, Древнее право, стр. 1—15.

³ Говоря о заслуге Бахофена, заключающейся в том, что он открыл, что происхождение может быть установлено лишь по материнской линии, и о том, что он называет развивавшиеся отсюда с течением времени отношения наследования материнским правом, Энгельс отмечает, что употребляемое Бахофеном в этой связи понятие «материнское право» неудачно, так как на этой ступени развития общества еще нельзя говорить о пра-

Оба этапа заняли длительные исторические периоды. Отсюда возможность найти аргументы как в пользу той точки зрения, что право существовало до государства, так и в пользу противоположного мнения. Нам представляется, что можно предположить определенных разрыв во времени между появлением социальных норм и их превращением в государственные нормы.

Ходу общественного развития соответствует примерное следующее развитие правовых форм в единстве их исторического и логического проявления: казуистическое право (право, создаваемое отдельными решениями), обычное право и право, создаваемое в результате особого правотворческого процесса, то есть законодательства. Когда на заре капитализма появилась идея законодательства и его ведущей формы — кодификации, то это связывали лишь с саморазвитием правовых форм и сущность кодификации усматривали лишь во всеобщности формы.

Принципиальным сторонником кодификации права был Гегель. При этом он подчеркивал преимущества позитивного законодательства перед нормами обычного права. Посредством законодательства, отмечал Гегель, нечто высказывается как правило поведения, именуемое силой для всех. Кроме того, в законе еще более важен, по Гегелю, «тот внутренний существенный момент, которым является *познание содержания* в его *определенной всеобщности*»¹. Обычное же право, считал Гегель, «знаемо субъективным и случайным образом, и нормы обычного права поэтому сами по себе менее определены и всеобщность мысли в них более попутна...»². Гегель, таким образом, в абстрактной

ве в юридическом смысле (См.: К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 21, стр. 46).

В другом месте, касаясь вопроса о законодательстве Древних Африки и Рима, регулирующем отношения должника и кредитора, Энгельс говорит, что и то и другое возникло спонтанно, как «обычное право, исключительно в силу экономической необходимости» (стр. 166). «Обычное право» означает здесь древнее «входящее в предьсторию права» обычное право, поскольку ссылаясь на их возникновение «исключительно в силу экономической необходимости» может означать отсутствие государственного элемента или его незначительную роль.

¹ Гегель, Соч., т. VII, Философия права, М.—Л., Соцэкгиз, 1934, стр. 230.

² Там же, стр. 230—231.

го, несмотря на достигнутый прогресс, «равное право в одном отношении все еще ограничено буржуазными рамками. Право производителей пропорционально доставляемому ими труду; равенство состоит в том, что измерение производится равной мерой — трудом.

Но один человек физически или умственно превосходит другого и, стало быть, доставляет за то же время большее количество труда или же способен работать дольше; а труд, для того, чтобы он мог служить мерой, должен быть определен по длительности или по интенсивности, иначе он перестал бы быть мерой¹.

Таким образом, принципиальное различие между равноправием при капиталистической и социалистической системах состоит в том, что последняя устраняет основную причину и черту общественного неравенства — частную собственность на средства производства, но в то же время сохраняет еще принцип распределения по труду, то есть применение равного масштаба к неравным отношениям. При этом социалистическое право всесторонне развивает институты, которые призваны устранить возможные неравенства, вытекающие из распределения по труду.

Одно из принципиальных отличий социалистического законодательства (законов и кодексов) от буржуазного состоит в том, что социалистическое право значительно более адекватно отражает реальные общественные отношения, не скрывает их сущности, в то время как буржуазное право отражает капиталистические общественные отношения в смещенном, фетишизированном виде.

3. ГОСУДАРСТВЕННЫЙ И ПРАВОВОЙ ХАРАКТЕР ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Существует мнение, согласно которому имеется принципиальное различие между обычным правом и законодательством с точки зрения их отношения к государству². Как отмечает один из авторов, законодательство — это результат «сознательно направленной

форме отстаивает принцип правового равенства, характерный для буржуазной системы.

Равенство перед законом требует общего для всех, распространяющегося в принципе на всех закона; неодинаковый же социальный эффект этого принципа, как мы видели, зависит уже от факторов, лежащих вне права, в первую очередь связан с неравным положением людей в производстве. Для обеспечения формального равноправия буржуазной правовой системой выдвигается требование создания общего, в одинаковой мере обязательного для всех закона, который должен прийти на смену характерному для феодального общества и наиболее соответствующему последнему обычному праву.

Эта современная форма права занимает ныне господствующее положение, несмотря на сохранение некоторых старых форм и даже известное недовольство империалистической буржуазии формой всеобщего и обязательного закона.

Кодекс и закон — основная форма социалистического права. Связано это в значительной мере с тем, что, как уже отмечалось выше, именно эта форма наиболее адекватна принципу равенства людей как субъектов права. В этой связи мы вновь должны вернуться к вопросу о соотношении права и принципа равенства в условиях социализма.

Возможность фактического равенства зависит главным образом от характера собственности на орудия и средства производства и принципа распределения общественного продукта. Здесь мы сразу обнаруживаем принципиальное различие между капиталистической и социалистической системами. Как известно, Маркс различал две фазы нового общества — социалистическую и коммунистическую. О социализме Маркс говорит, что здесь «никто не может дать ничего, кроме своего труда и ... с другой стороны, в собственности отдельных лиц не может перейти ничего, кроме индивидуальных предметов потребления»¹. Это результат отмены частной собственности на средства производства. Вместе с тем распределение осуществляется путем применения единого равного масштаба — по труду. Вследствие этого

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 19, стр. 19.

² См.: H. Kelsen, Allgemeine Staatslehre, Berlin, 1925, S. 231.

на правотворчество деятельности определенных, функционирующих в соответствии с принципом разделения труда органов; обычное право выражает отношение людей между собой, а законодательство — отношение между людьми и государством»¹.

В действительности и в отношении обычного права роль государства весьма существенна, но в лице иных его органов, чем те, на которые возложена функция законодательства. Здесь на первый план выдвигаются органы применения права. Социологические школы в юриспруденции противопоставляли право и «государственное право», под которым имелись в виду нормы, создаваемые государством, включая и те нормы, независимо от того, как они возникли, которые государство признает, снабжая их уголовными или административными санкциями². Согласно этому взгляду, существует два вида права: «безгосударственное» и «государственное».

По нашему мнению, рассматривая взаимосвязь государства и права, кавычки следует поставить так, что, когда говорят о праве без государства, в кавычках должно стоять слово «право», ибо в действительности это не право; когда же говорят о государственном праве, не следует брать в кавычки слово «государственное», поскольку это определение вообще излишне. Право всегда возникает при участии государства и благодаря ему становится тем, что мы называем правом, — определенной формой общественных отношений и нормой поведения. Отражающе-трансформирующая роль государства заключается не просто в обеспечении принуждением сложившихся в виде обычая или установленных иным путем норм, а в преобразовании в право социальных отношений (в возникновении которых какую-то роль мог играть и обычай), в первую очередь производственно-экономических отношений, сложившихся в силу экономической необходимости. В ходе этой трансформации такие отношения приобретают юридическую форму, что оказывает влияние и на их содержание.

¹ С. К. Allen, Law in the making, p. 410.

² См.: E. Ehrlich, Grundlegung der Soziologie des Rechts, München und Leipzig, 1913, S. 127.

В другом, не экономическом, плане «творческий» характер государства в отношении права еще более очевиден; речь идет о классовых отношениях, в частности о отношениях власти. Здесь правотворческая деятельность государства еще более свободна. Без государства нет права; право — это господствующее право, как и государство — господствующее государство. На слова Фауста: «Право и законы передаются по наследству как болезнь» (Göte), — Маркс и Энгельс отвечают: «Бывает, что права и законы «передаются по наследству», но в этом случае они не являются господствующими, а носят номинальный характер, яркие примеры чего мы находим в истории древнеримского и английского права»¹.

Государство есть один из факторов реальности права; в какой же мере право является таким фактором в отношении государства?

С установлением буржуазного строя центральный элемент, ядро правотворческой деятельности — законодательство — выходит на авансцену государственной деятельности. «Законодательная власть» стала целостно-политическим государством. По мнению молодого Маркса, в буржуазном «современном» государстве в законодательной власти сталкиваются совершенно различные принципы: «...На деле это — есть антиномия политического государства и гражданского общества, противоречие абстрактного политического государства с самим собой»². «Гражданское общество» у молодого Маркса, как и у Гегеля, служит для выражения совокупности материальных жизненных отношений.

Несколько упрощенно можно сказать, что законодательство представляет собой часть правотворческой функции, юридическую сторону дела. Однако еще более существенная его характеристика заключается в том, что оно тесно связано с принципом представительства, что в свою очередь отражается на содержании и форме законодательства, которое соответствует типу государства и организации представительства. «Чисто юридический» подход видит в законодательстве лишь наиболее развитую форму правотворчества; на самом

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 3, стр. 323.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 324.

же деле здесь с «государственной» точки зрения речь идет и о другом, а именно о том — и это весьма существенно, — что правотворчество — это законодательство, основывающееся на принципе представительства. В процессе развития эти две стороны законодательства как бы сливаются, в принципиальном же отношении различие между ними имеет серьезное значение.

Из сказанного выше следуют важные выводы, например о необходимости проводить отчетливую грань между законодательством и другими формами правотворчества. Возрастание в буржуазном государстве объема и роли норм, не имеющих характера закона, но поставленных рядом с ним, нанесло ущерб принципу представительства. В отличие от этого социалистическое право последовательно основывается на законе, который в социалистической системе является высшим источником права. Это — закономерное следствие социалистической демократии, основанной на принципе представительства.

Двойственный характер законодательства наглядно показывает, что между государством и правом, государственной организацией и правовыми формами существует не только связь, но и единство.

4. «ГОСУДАРСТВЕННОЕ» ПРАВО. ГОСУДАРСТВЕННЫЕ И ЮРИДИЧЕСКИЕ ОРГАНЫ

Правотворчество и основное в нем — законодательство — мы назвали особой деятельностью, или функцией. Речь идет о деятельности, или функции, государства. Правотворчество, как уже говорилось, — это отражение общественных отношений государством, в результате чего они принимают вид правоотношений. В этой «деятельности», или «функции», и заключается отражающе-трансформирующая роль государства. Выполнение ее может сопровождаться различной степенью активности и относительной самостоятельности в зависимости от того, какие общественные отношения служат ее объектом: сами ли производственные отношения, либо политические отношения, либо другие отношения, по-разному связанные с первыми. Существенны в этой

связи и некоторые иные факторы, например мораль, научные установки и т. д.

Поскольку деятельность государства, направленная на «перевод» социальных отношений в правовые, может в разных случаях иметь различную степень интенсивности и непосредственности, то между общественными отношениями, становящимися правом и уже ставшими правом, могут возникать различия, степень которых не одинакова. Таким образом, теоретически мы пришли к положению, согласно которому право как идеологическая форма, подобно призмe, пропускает через себя, преломляя их содержание, различные общественные отношения. Решающий фактор этого отражения и преломления — государство. На этот политический орган общества возложено осуществление этой задачи. Государственным является соответственно и результат правотворчества: государственная норма, закон, которые хотя и не составляют еще права в целом, но являются его органической конститутивной частью.

Мы вновь возвратились к вопросу, являются ли все правовые нормы государственными или таким качеством обладает лишь часть из них. В этом отношении в литературе существуют две точки зрения: монистическая и плюралистическая¹, различие между которыми заключается именно в их оценке роли государственных власти в правотворчестве. Вряд ли оспориимо положение плюралистов о том, что любое общество людей имеет свои правила поведения, нормы, возникновение и соблюдение которых обеспечивается убеждениями членов этого общества, а в исключительных случаях и его принуждением. Но еще более очевидно, что политико-властная организация общества — государство — создает специфические правила поведения, которые решительно отличаются от правил, создаваемых всеми другими сообществами и группами людей.

Точка зрения, которая не усматривает никакого различия между нормами, возникшими при помощи государства, и другими правилами поведения, руководствуется лишь чисто формальными признаками. Однако вопрос о том, что называть правом, — это не просто

¹ См. Н. Lévy-Bruhl, Aspects sociologiques du droit, p. 49.

конвенциональный вопрос. Под определенное понятие могут быть подведены только идентичные явления.

По мнению Эрлиха, общество использует государство как свой орган, чтобы принудительным путем предписать подчиненным ему организациям определенные порядки. Развивая это само по себе спорное положение, Эрлих противопоставляет внутреннее «право» организаций и навязанное им внешнее «государственное» право. Таким образом, он смешивает различные по своему характеру нормы, и его утверждение, что «этическая концепция права научно несостоятельна», проистекает именно из факта такого смешения¹.

Утверждение, что любая правовая норма — это обязательно государственная норма, результат государственного правотворчества, было бы неточным. Продукт государственной правотворческой деятельности — это сложная система правовых норм, итог рационального пути создания права. Этот признак рациональности отличает правовую систему именно в целом, а не любую оказавшуюся в этой системе норму.

Таким образом, правовая система, взятая в определенном аспекте, — это рациональная система правовых норм. К сказанному выше о том, как влияют на правоотношения и нормы отражаемые ими социальные отношения, следовало бы добавить, что, складываясь в систему, нормы зависят и друг от друга, влияют друг на друга и предполагают друг друга.

Таким образом, правовые нормы не просто отражают социальные отношения, а образуют единство и становятся специфическим общественным явлением. В этом смысле Энгельс пишет, что в современном государстве всегда стремятся «установить гармоничную правовую систему»², то есть сделать право «рациональной системой».

В современном государстве особую роль в создании единой правовой системы (не без помощи науки) играют правотворческие органы, в первую очередь законодательные. Эту роль они получили в результате разделения труда, распространившегося на область права и практически отдифференцировавшего органы право-

¹ См.: E. Ehrlich, Grundlegung der Soziologie des Rechts. S. 123, 131.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 37, стр. 418.

творчества от органов применения права путем наделения их различными функциями. Среди органов творчества, как мы уже упомянули, в силу их политического значения и представительного характера особое место занимают законодательные органы. Тот факт, что упомянутое разделение труда в значительной части буржуазных государств, особенно в англосаксонских странах, не было проведено последовательно, не изменяет ни принципиальной правильности нашего положения, ни объективной логики исторического развития. Разумеется, на пути этой тенденции имеются препятствия, но следует заметить, что в наше время и в англосаксонских странах она все отчетливее пробивает себе дорогу.

Тем самым к двум отмеченным выше атрибутам государственности права примыкает третий — государственный характер органов, связанных с правом. В данном случае мы будем пользоваться понятием «государственные юридические органы». Связь государственных органов с правом может быть различна в том смысле, что одни из них могут быть связаны в первую очередь с процессом создания права, другие — с применением правовых норм, а третьи — с обеспечением их реализации. Вопрос о различии между этими тремя типами органов мы рассмотрим отдельно. Пока обратимся к другому различию между государственными органами. Речь идет о том, что деятельность одних из них имеет преимущественно государственный характер, а других — специфически юридический.

Конечно, отличие «государственных» от «юридических» органов относительно. На самом деле структура и деятельность любого государственного органа имеет юридические аспекты. Когда мы говорим о государственном органе юридического характера, то имеем в виду не то, что в современном государстве структура и деятельность государственного органа (последняя с той или иной степенью детализации) регламентированы правом, и не то, что каждый государственный орган в конечном счете реализует право. Речь идет о том, стоит ли в центре задач данного государственного органа собственно юридическая деятельность или нет, «активен» он в отношении права или «пассивен».

Когда мы говорим об активной роли государственного органа, на передний план традиционно выступает

его правотворческая и правоприменительная деятельность. Правда, обособление этих двух видов деятельности и в некотором смысле двух видов органов в определенных исторических условиях бывает несколько относительным, в связи с чем правомерность такого разграничения иногда вообще оспаривается. Вместе с тем нельзя забывать, что любое звено государственной организации может повлиять на какую-либо из сторон правовой жизни. В частности, реализация права есть такая деятельность, в которой участвуют все звенья и органы государственного механизма, в результате чего «государственная» и «юридическая» деятельность сливаются. Однако бесспорно, что исключительной и основной задачей одной группы государственных органов является трансформация общественных отношений в правовые нормы, перевод социального в правовое, то есть правотворческая деятельность. Центральная задача другой группы государственных органов сводится по преимуществу к процессу применения права, в частности и в случае конфликтов. Государственные органы, призванные к выполнению этих двух задач, и являются непосредственно юридическими органами, а еще точнее, юридико-государственными органами.

Важный вывод из изложенного заключается в том, что понятие права включает также государственно-юридическую организацию, которая в процессе правотворчества переводит социальное в правовое в виде как общих, так и индивидуальных правоотношений.

Эту специфическую юридико-правовую организацию обычно считают внешним по отношению к праву (под ним здесь понимаются правила поведения) элементом. В частности, такова позиция социологических школ в правведении, о которых уже говорилось выше. Их представители отводят государству лишь второстепенную роль, сводя ее к закреплению правил, сложившихся негосударственным путем. Сторонники естественного права защищали, в сущности, сходную позицию, утверждая, что признание правом исключительно «государственного» права неизбежно приводит к позитивизму и исключает возможность его оценки. Эта антипозитивистская установка правильна лишь в отношении тех концепций, которые не видят за государством и правом обусловливающих их социальных факторов. То, что

естественно-правовая школа противопоставляет в качестве естественного позитивному праву, в действительности не право, а лишь некоторые общие правовые постулаты. Кроме того, отрицание естественного права не обязательно влечет за собой позитивизм. Именно такая позиция марксизма, который в отличие от позитивизма не видит в государстве социальную причину права, а рассматривает государство и право в тесной взаимосвязи и взаимодействии, обусловленных определенными социальными факторами.

5. «ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО»

Теорию «правового государства» можно охарактеризовать как теорию, считающую право фактором, обуславливающим государство. Государство она определяет через право. По Кельзену, государство — это не более чем сумма правовых институтов. «Государство, подобно королю Мидасу, обладает способностью превращать в право все то, чего оно коснется»¹. Государство — это есть «определенный правовой порядок», и не более того². Кельзен пытался придать понятию «правовое государство» формальное, юридико-техническое звучание, хотя ранее оно в более широком плане было связано с буржуазно-демократической ориентацией, предположительно определенное материальное содержание права, связывающего государство. Кельзен изгоняет из понятия «правовое государство» как этот момент, так и социологический элемент — политическую власть. «Правовое государство» превращается лишь в юридическое понятие, производное от права; государство как реальность исчезает из этого понятия, право как бы полностью поглотило его.

Еллинек, на которого часто ссылается Кельзен, не отрицал еще возможность социологического понятия государства, хотя и резко ограничивал его от юридического понятия. Вследствие этого государство у Еллинека как бы живет двойной жизнью. По даваемому Еллинеком генетическому объяснению государственная власть, сперва «чисто» фактическая, в дальнейшем

¹ H. Kelsen, Allgemeine Staatslehre, S. 91.

² См.: H. Kelsen, Reine Rechtslehre, S. 58.

превращается в право, то есть государственные властные отношения развиваются в правоотношения: путь лежит от фактического состояния в правоотношения: путь типичного урегулирования¹. Этот генетический анализ приводит Еллинека к выводу, что государство можно отличить от фактической власти только благодаря его нормативной урегулированности.

С релятивистским взглядом, согласно которому нельзя ставить вопрос о приоритете государства или права, ибо речь идет о модусах одной сущности, о различных методах подхода к одному и тому же свойству (Радбрух), можно согласиться, но тут же следует подчеркнуть, что это не дает еще ответа на вопрос о соотношении государства и права. Тезис, согласно которому законодательство в качестве «регулирующего порядка» есть государство, а в качестве «урегулированного порядка» — право, вряд ли проникает в суть явления, и релятивизм сводится к взаимному соотношению двух феноменов². Все же в этом разграничении можно обнаружить определенную иерархию между государством и правом, ибо между понятиями «регулирующий» и «урегулированный» в понятийном отношении проследится последовательность во времени, а также и причинная связь.

Первичным считает государство теория насилия. По мнению Гумпловича, государство есть организация господства, направленная на сохранение правового порядка; право, таким образом, становится целью государства и зависимо от него³.

Причина ошибочности всех этих подходов состоит в том, что буржуазная правовая наука метафизически пытается выявить соотношение государства и права, не выходя за рамки этого соотношения, «очищает» его от всяких «посторонних» элементов, отбрасывает всякий «метаюридический» элемент. В этой связи интересна попытка венгерского юриста Сомло разработать переходное понятие «юридическая власть» в качестве

¹ См.: G. Jellinek, Allgemeine Staatslehre, Berlin, 1905, S. 131—132, 334—335 (см. Г. Еллинек, Общее учение о государстве, Спб., 1908).

² См.: G. Radbruch, Grundzüge der Rechtsphilosophie, S. 83—84.

³ См.: L. Gumplowicz, Allgemeine Staatslehre, Innsbruck, 1907, S. 24.

своеобразного посредника между государством (фактической властью) и правом. Правда, Сомло не совсем последователен в трактовке этой «юридической власти», но интересно, что он рассматривает ее именно как третий фактор, который хотя и примыкает к фактической власти, но не тождествен ни ей, ни праву¹.

Даже схематичный анализ упомянутых направлений показывает, что научно обоснованно ответить на вопрос о правоворческой деятельности государства и вообще о связи государства и права можно, только выйдя из замкнутого соотношения «государство — право», рассматривая их во взаимодействии с другими социальными факторами.

Важно обратить внимание и на то, что в устойчивой взаимосвязи государства и права могут проследиваться ее различные уровни применительно к разным видам правоотношений; роль государства, как уже отмечалось, может быть более или менее интенсивной и непосредственной. Это, разумеется, проблема второго плана в общем соотношении государства и права, но она не должна игнорироваться теорией права.

6. КОНСТИТУЦИЯ ГОСУДАРСТВА

Общая позиция буржуазной науки в вопросе соотношения государства и права отражается и в ее подходах к взаимосвязи государства и конституции, государства и конституционного права. Мы рассматриваем этот вопрос в общем плане, оставляя в стороне существенные проблемы конституционного права. Известно, что конституция, как и вся основанная на ней отрасль права, регулирует отношения, выражающие внутреннюю организацию государства, фиксирует принципы организации и деятельности основных государственных органов, как и принципы, лежащие в основе всех других отраслей права. (В венгерской науке конституционного права соответствующие конституционные нормы именуют «транспозиционными», потому что они действуют, будучи «транспонированы» в соответствующие отрасли права.)

¹ См.: Somló Bódog, Juristische Grundlehre, S. 103, 274—275.

Однако в конституции есть и другая, как бы «внешняя» часть, обращенная не на государственный механизм, его структуру и компетенцию составляющих его органов, а на социальные полномочия государственной власти, и в особенности на отношения государства и граждан в форме основных прав и обязанностей граждан.

Правда, и это надо подчеркнуть, эти две стороны конституции в основном сливаются, переходят друг в друга; в принципе же между ними сохраняется известное различие: одна говорит о месте и роли государства в обществе, другая — о «правовой жизни» самого государственного механизма.

Когда речь идет о тех областях, которые относятся по нашей условной классификации к «внешней стороне» конституции (проблемы соотношения государства и общества), то нередко можно встретиться с утверждением, что здесь, в этих областях, право предшествует (хотя бы логически) государству, в то время как в остальных, наоборот, оно следует за государством. «Государство одновременно и дитя и родитель права», — пишет Маккавер, — есть право, которое управляет государством, и есть право, которое отражает то, чем государство правит»¹. Подобный взгляд при любом его толковании приводит к естественно-правовой конструкции, к предположению о существовании предшествующего государству и обладающего собой силой права, хотя и не известно, откуда эта сила берется.

Позитивистские направления не могут согласиться с этой точкой зрения, ибо, говоря о праве, они отказываются принимать во внимание какие-либо факторы, кроме государства. Поэтому позитивизм прибегает к тезису о «самоограничении» и «самоограничении» государства (Еллинек). Этот тезис, согласно которому государство при помощи созданного им права как бы само попадает под его господство, вызывает в памяти рассказ барона Мюнхаузена о том, как он сам себя вытаскивал за волосы из болота. Идея «самоограничения» государства в смежном виде отражает тот факт, что нормы права связывают если не само государство, то его органы; этим самым в какой-то мере связана и деятельность самого

¹ Mc Iver, *The Modern State*, p. 250.

государства, ибо иной государственной деятельности, чем деятельность государственных органов, не существует¹. Этот несколько упрощенный, юридизированный подход к сущности государства имел лишь то преимущество, что он противостоял господствовавшему ранее органическому учению о государстве.

Сам его автор, Г. Еллинек, высказывал также и сомнения, в известной степени отличающиеся от принципа «самоограничения» государства. Еллинек все же пытался найти тот внешний фактор, который являлся бы высшей дегермантой и для государства и для права. Применительно к современному государству он считал таковым принцип народного суверенитета. На этом принципе, по мнению Еллинека, была основана первая французская конституция. В то же время Еллинек все же подчиняет правопрядок государству².

На основании всего этого можно прийти к двум выводам относительно позитивистской концепции. Во-первых, ей приходится делать выбор между приматом государства или права, и это подводит ее исторически и политически к проблеме «правового государства». Во-вторых, абстрагируясь от так называемых метаюридических реальных отношений, позитивизм тем не менее вынужден обращаться к метаюридическим принципам, одним из которых является и упомянутый принцип народного суверенитета.

7. СОЦИАЛЬНАЯ ОБУСЛОВЛЕННОСТЬ КОНСТИТУЦИИ

Согласно марксистской точке зрения, государство и право — однопорядковые, взаимосвязанные явления. Впрочем, буржуазная литература пытается рассмотреть марксистское учение о государстве и праве как один из видов теории власти, которая считает государственную власть основным в праве; утверждают также, будто бы принуждение является решающим элементом марксистского понятия права. Нет необходимости

¹ См.: Jellinek, *Allgemeine Staatslehre*, S. 359. Отождествление государства с деятельностью его органов можно обнаружить и у Кельзена (Kelsen, *Reine Rechtslehre*, S. 120).

² См.: Jellinek, *Allgemeine Staatslehre*, S. 338 — 339, 463.

сти после всего изложенного выше заниматься еще раз опровержением этих обвинений.

Правда, на отдельных этапах истории марксистской теории государства и права иногда несколько преувеличивали роль государства по отношению к праву, подчёркивая, в частности, элемент власти и принуждения в праве (но не забывая при этом и убеждения)¹. Телерь уже общепризнано, что власть — лишь один, хотя и существенный фактор права в его взаимосвязях с государством.

Преувеличивал властный элемент в праве и А. Я. Вышинский. Он писал, что данное им определение права «исходит из отношений господства и подчинения». Хотя и здесь речь шла лишь об одном из элементов права, лишь об исходном пункте определения, очевидно, что такой подход недостаточен для марксистской теории права и в немалой мере искажает понятие социалистического права. Эта позиция Вышинского отразилась и на его трактовке конституции, когда он включил в государственное право всю правовую систему. «Таким образом, — писал он, — по существу все отрасли права могут быть включены в круг государственного права, если под этим последним понимать учение о всех сторонах развития и деятельности государства, как они проявляются в тех или иных правовых формах»².

Такое чрезмерное выдвижение на первый план государственного права в свете наших сегодняшних представлений выглядит неоправданным. Эта точка зрения в конечном счете означала, что Вышинский подчинял политической власти, тем самым с неизбежностью отодвигая их на задний план, различные отрасли права, основывающиеся на других общественных отношениях, в том числе и производственных, хотя примат этих отношений Вышинский, естественно, признавал. В этой концепции справедливо то, что в социалистической правовой системе конституция ввиду ее значительной действительно выделяется из ряда остальных законов, что, кстати говоря, подчеркнуто порядком ее

¹ См.: П. И. Стучка, Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права, стр. 109—110.

² А. Я. Вышинский, Вопросы теории государства и права, М., 1949, стр. 892.

принятия и изменения. Однако она вела к неверному выводу, будто бы марксистское учение, которое лежит в основе социалистического права, исходит из примата государства над правом. Что это не так, мы уже говорили.

То, что конституция как правовой документ является в конечном счете «продуктом» государства, не влияет на правильность теоретического положения, согласно которому как государство, так и право обусловлены в конечном счете производственными отношениями. То, что государство «создает» в качестве конституции, объективно зависит от этих отношений, от их характера и обусловленных ими классовых отношений. Взаимосвязи государства и права, выраженные особенно наглядно в конституции, подчинены этим основным отношениям, вторичны по отношению к ним. Из того факта, что конституцию принимает высший орган государства, нельзя делать вывод о том, будто государство в социальном плане имеет примат над правом или будто в социальной иерархии государственных отношения расположены над правом. На том же основании, что конституция определяет организацию и деятельность государственного механизма, нельзя приходить к заключению, что право определяет государство.

Общая обусловленность государства и права фундаментальными социальными факторами, разумеется, не исключает, а, скорее, предполагает их взаимное влияние друг на друга, в ходе которого государство «определяет» право, а право — государство. Это — взаимодействие равных по рангу социальных феноменов. Оно не исключает и противоречий, которые достаточно быстро снижаются, уступая место новым противоречиям, порождаемым возможностью неравномерного развития в рамках соотношения этих двух сопряженных общественных явлений.

Как отмечал советский исследователь М. А. Аржанов, взаимосвязи государства и права можно изучать примерно по такой схеме: 1) правоотворческая деятельность государства, государство и применение норм права; 2) право и устройство государства, право и функции государства, право и механизм государства¹. Это,

¹ См.: М. А. Аржанов, Государство и право в их соотношении, М., 1960, стр. 16.

разумеется, упрощенная схема, но все-таки она показывает, что в рассматриваемом взаимодействии можно провести некоторое различие между деятельностью государства, направленной на право (пункт первый), и влиянием права на государство, ролью права в осуществлении государственных функций (пункт второй). Однако следует пойти дальше, потому что взаимопереходы государства и права, их переплетения значительно сложнее.

Конституция отражает эти взаимодействия и переплетения государства и права. Она определяет правотворческую функцию государства и юридически закрепляет форму государства. Однако отсюда не следует, что она предшествует государству. Государство существует и уже имеет определенные формы, которые, впрочем, конституция может изменить. Когда высшая государственная власть создает конституцию, то в социальной перспективе это не есть первичный правотворческий акт, ибо характер конституции обусловлен общественными отношениями. Конституция в ее первоначальном виде, так же как и ее последующие изменения, подчинены этой закономерности, отражая характер политических отношений, соотношение классовых сил, культурный уровень общества, идеологические установки, уровень науки и т. д. Имея это в виду, можно даже сказать, что государство не принимает конституцию, а лишь оформляет ее, точно так же как конституция не создает, а лишь оформляет государство. Сущность конституции как высшего законодательного акта отражает, в широком смысле слова.

Конституция лишается, правда, при этом того блеска, который придают ей различные теории, но приближение к пониманию ее сущности может лишь повысить ее реальное значение. Этого нельзя достигнуть путем рассмотрения лишь внешней формы конституции или процедуры ее изменения. Тот, например, факт, что эта процедура достаточно сложна, может иметь двойные последствия: способствовать более точному отражению в конституции общественных отношений, но вместе с тем и привести к разрыву между этими отношениями и конституцией, если, например, последние переживет породившие ее социально-политические условия.

8. ДЕМОКРАТИЯ КАК МЕРА ПРАВОВОЙ РЕГЛАМЕНТАЦИИ

Попытаемся теперь рассмотреть взаимосвязь между государством и правом в аспекте права, ибо в этом заключается наша основная задача. Установив общий принцип, необходимо далее выяснить, как в отдельных областях государство действует при помощи права, прежде всего закона, в какой степени оно использует право для осуществления своих целей, какое место занимает право в государственной деятельности в целом.

В сфере связанной с государством правовой деятельностью следует различать правотворчество, применение права и меры, способствующие соблюдению права.

Эти виды государственной деятельности взаимодействуют и влияют друг на друга. Но каждый из них подлежит дальнейшему расчленению.

Прежде всего это необходимо сделать в отношении правотворчества. Мы уже показали некоторые его характерные черты, когда разграничивали правотворчество и применение права, а также когда проводили различие между конституцией и другими источниками права. Рассмотрим правотворчество еще в одном аспекте, который возвращает нас к фикции правового государства. Мы называем теорию правового государства фикцией потому, что она идеализирует действительное положение государства, не видит того, что правовая регламентация государственной деятельности, как и само государство, подчинена классовым и политическим отношениям, зависит от соотношения классовых сил. Эта регламентация может играть большую или меньшую роль, а может и вовсе утратить свое значение.

Право — и прежде всего конституция — определяет систему государственных органов, основные направления и принципы их деятельности. Это, разумеется, нечто вроде гарантии установленного порядка вещей. Но это не более чем правовая гарантия, то есть фактор, подтвержденный воздействием других отношений и процессов, на которые он может оказывать лишь какое-то

влияние и тормозить их. Ценность «только» правовой гарантии в социальном плане относительна, хотя и не незначительна.

Конституционная регламентация — лишь первичная форма правового регулирования государственной деятельности. Уровень этой регламентации еще недостаточен, поскольку она имеет общий характер и не затрагивает существенных деталей. За регламентацией принципов, определяющих систему государственных органов, в качестве следующей ступени идет регламентация порядка или процесса их деятельности. Но и это все еще лишь общие правовые рамки, хотя на этот раз не статичности государственного механизма, а его динамики, его деятельности, причем регламентация уже приобретает здесь более детальный характер.

Однако процесс — это лишь форма, и при всем своем значении он не раскрывает материального существа правоотношений, складывающихся в результате внешне урегулированной деятельности. В этом смысле процесс является лишь промежуточной ступенью, а не конечным элементом. Право может пойти дальше и регламентировать содержание деятельности государственных органов, порядок вынесения ими решений и виды этих решений, их правомочия и обязанности. Именно в этом случае деятельность государственных органов наиболее полно «управляется» правом.

Итак, правовая регламентация охватывает систему органов и определение их компетенции, порядок деятельности, содержание принимаемых решений. Но вся эта регламентация, даже взятая в целом, отнюдь не является всеобъемлющей. У государственного органа всегда остается сфера «свободной» деятельности, определяемой принципом целесообразности, который иногда закрепляется в правовой форме. Конечно, такая «свободная» деятельность не свободна в том смысле, что она детерминирована как неправовыми факторами, так и общей правовой регламентацией порядка деятельности государственных органов.

Если в свете сказанного подойти к понятию «правовое государство», то нетрудно увидеть, что нет никакого универсального эталона «правовой государственности» и в зависимости от степени рассмотренных видов регламентации степень ее может быть большей или меньшей.

Конституционная регламентация системы органов есть при этом лишь элементарное условие «правовой государственности». Другими словами, государство может быть «более правовым» или «менее правовым».

С рассматриваемыми проблемами связан спор, ведущийся в посвященной вопросам административного права литературе относительно так называемой дискреционной компетенции государственного органа. Такой спор ведется и в социалистической юридической литературе. Некоторые авторы, ссылаясь на принцип законности, отрицают за государственными органами право свободного вынесения решения. Другие, также отрицая так называемое свободное административное усмотрение, признают тем не менее, что государственные органы вправе выносить решения по вопросам, детально не урегулированным законом¹.

Избегая понятийных споров, ведущихся вокруг этой проблемы, затронем лишь один действительно важный в интересующем нас аспекте вопрос, вопрос о том, какова мера этих дискреционных полномочий. Достаточно ли наделять соответствующей компетенцией государственные органы или следует ограничить дискреционные полномочия выбором одной из содержащихся в законе альтернатив?

Мы упрощаем ситуацию, указывая лишь на крайние точки зрения: с одной стороны, признание свободы административного усмотрения, с другой — требование урегулировать все возможные конкретные отношения. Первый случай означал бы полное отрицание «правового государства», а второй — «абсолютное правовое государство», что, конечно, не более чем иллюзия. Но открытым остается опять-таки вопрос о возможности дискреционных решений отдельных ситуаций или их групп, чрезмерная регламентация которых лишь побуждала бы применяющего право искать обходных путей. Другими словами, встает вопрос о масштабах и детальности регламентации, и мы полагаем, что требование полной законченной регламентации было бы невыпол-

¹ См.: Szamel Lajos, Az államigazgatás vezetésének jogi alapproblémái, Budapest, 1963, p. 311; Toldi Ferenc, Az államigazgatási rendelkezések megsemmisítése és megváltoztatása, Budapest, 1965, p. 33 et seq.

нимо. Но как тогда определить ее необходимую степень?

Разумеется, степень регламентации не бывает случайной и не является следствием второстепенных обстоятельств. Но дело в том, что сама по себе она еще не дает ответа на вопрос, какова же эта регламентация по содержанию: «хороша» она или «плоха», соответствует потребностям общества или нет? И здесь речь идет о влиянии на правотворчество различных общественных факторов. Если мы возьмем первую из рассмотренных выше ступеней регламентации, определяющую систему государственных органов, то здесь степень детализации этой регламентации зависит от традиций данного государства, от истории конституционного права, правосознания, а в первую очередь от данной политической системы; в конечном счете в основе лежит экономическая детерминация, которая, однако, действует через такой ряд опосредствующих факторов, что прослеживается с трудом. Пожалуй, в еще большей мере зависит от политических, классовых сил и политической системы регулирование порядка деятельности государственных органов. Что же касается третьей ступени регламентации деятельности государственных органов по содержанию, то есть определения их прав и обязанностей, то и здесь ощущается влияние политики, но еще более непосредственно сказываются социально-экономические факторы.

Таким образом, теория «правового государства» проблеме соотношения государства и права ставит весьма поверхностно. Поиски решений этой проблемы должны идти в ином направлении, исходить из политической структуры данной общественной системы.

Подытоживая сказанное, можно сделать вывод о том, что правовая организация государства определяется уровнем и характером демократии. В этом глобальном понятии мы как бы суммируем те социальные силы, которые воздействуют на осуществление правом его социально-политической роли и на его взаимосвязь с государством. Какова же ценность составных частей этого глобального собирательного понятия? Отметим прежде всего ее государственный, то есть политическую, сторону. Молодой Маркс, критикуя гегелевскую философию права, обратил внимание на наличие в по-

нятии демократии, наряду с «формальным принципом» (собственно политический аспект демократии), также и «материального принципа» (общественное содержание демократии)¹. Во всех прочих формах государства ответственность, договор, брак, гражданское общество (то есть общественная и материальная основа государства) выступают как «особые способы существования наряду с *политическим* государством, как *содержание*, к которому *политическое государство* относится как *организующая форма*...»². В истинной же демократии, по мысли молодого Маркса, оба эти принципа (формальный и материальный) совпадают, так что «политическое государство в том виде, в каком оно становится рядом с этим содержанием и отличает себя от него, само является в отношении народа только *особым* его содержанием, как и особой *формой его существования*»³.

Демократия, таким образом, в глубоком смысле слова есть глобальная формула, охватывающая политические и экономические (а также примыкающие к ним культурные) отношения; в этом понятии политическая сторона как бы преобладает над другими составными элементами, в том числе и над обуславливающим в конечном счете этот политический элемент экономическим фактором. Поэтому анализ связи государства и творчества мы заканчиваем словами о том, что путь расчленения понятий, а затем сознательного сложения их составных частей в одно целое ведет к более глубокому раскрытию соотношения государства и правотворчества, что в свою очередь представляет собой лишь часть более общего теоретического вопроса о соотношении государства и права.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 1, стр. 252.

² Там же, стр. 253.

³ Там же.

